

**АНДРЕЙ
АНИСИМОВ**

Спаситель мира

1

ЛУБЯНКА

УЛИЦА

Издательство «Астрель»

Андрей Анисимов
Спаситель мира

«Автор»

2003

Анисимов А. Ю.

Спаситель мира / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2003

Кому могло быть выгодным убийство писателя, которого все окружающие считали попросту безобидным чудаком? У молодого следователя Синицына, расследующего это преступление, нет ни улик, ни подозреваемых... есть только одна-единственная зацепка, слишком, на первый взгляд, нелепая, чтобы привести к истине. И все-таки... быть может, тайна гибели писателя и вправду заложена на страницах его последнего романа?.. Но – как тогда ее раскрыть?

© Анисимов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

Андрей Анисимов

Спаситель мира

От автора

Этот остросюжетный роман ни в коем случае не является историческим, несмотря на то, что действие его разворачивается не только сегодня, но и возвращает читателя к началу прошлого столетия. В книге «Спаситель Мира» автор позволил себе весьма фривольно перемешать реальные исторические фигуры с вымышленными персонажами, создавая проблему критикам в определении жанра. Но эклектика – штука не новая. В наши дни, когда кухня мирового читателя выбросила на рынок столь странное литературное блюдо, как «фэнтези», подобный эксперимент вряд ли можно назвать шокирующим. Любителей аналогий хочу предупредить сразу: все главные герои, как и основной сюжет, вымышлены.

Пролог

Предрассветным утром 1937 года из ворот особняка в центре города выкатились два «хлебных» фургона и помчались по пустынной Москве. Фары выхватывали из темноты лозунги и плакаты, призывающие граждан к бдительности.

Слишком много расплодилось всякой контрреволюционной нечисти, и советский человек обязан был быть начеку. На Тверской редкие фонарные тарелки, раскачиваясь от ветра, мутным светом обозначали под собой круги серого щербатого асфальта. На Садовой фонари почти не горели, а площадь трех вокзалов и вовсе тонула во тьме. Подпрыгивая на паутине трамвайных рельсов, чуть не зацепив только заступившего на свой участок сонного дворника, фурунги неслись в сторону Сокольников. Дворник с трудом отскочил в сторону, выронив из рук орудие труда. Подняв дрожащей рукой метлу, он перекрестился вслед удаляющимся огонькам.

В кабине первого фургона рядом с водителем, рядовым Пантюхиным, сидел мужчина в кожанке и нервно метал папироску из одного угла рта в другой. Мужчину звали капитаном Деевым. Чекист много раз возил заключенных в их последнее путешествие, и предстоящая операция была ему привычна. Но сегодня утром внутри капитана что-то отвратительно сжималось и посасывало. Деев пытался отогнать это чувство, однако не мог и приходил в ярость, направляя эту ярость на контрика, который сегодня попался особый.

К самому следствию Деев отношения не имел, его работа заключалась лишь в ликвидации врагов народа. Но исключительность нынешней операции имела ярко выраженные признаки. Контрика не пристрелили в подвале и для его персоны выделили целый взвод. Для одного, со связанными руками, обессиленного после конвейерных допросов, когда следователи сменяли друг друга, а подследственный сутками стоял в кабинете, было бы достаточно нескольких бойцов. А тут два фургона и взвод?! Кроме этих заметных признаков о заключенном под номером «47925» ходили слухи.

Контрик, по словам мелких чинов Лубянки, участвовавших в допросах чисто технически (физическое воздействие, вынос и внос тела и т. д.), обладал какими-то особыми качествами. Бумаги, которые он легко подписывал, через минуту меняли содержание, удары в лицо и почки не приносили ему боли. На его теле не оставалось кровоподтеков и ссадин. Одним словом, чертовщина. Капитан Деев в чудеса не верил, но избавиться от тяжести в организме не мог.

– Сука, – прошипел он, со свистом втянув в себя дым вонючей папиросы.

– Что вы сказали, товарищ капитан? – переспросил Пантюхин.

- Давай жми, – мрачно буркнул Деев, не поворачивая головы. – Не проспи перекресток...
- Не впервой, – отозвался Пантюхин и через минуту резко свернул в сторону парка.

На узкой аллее фургон сбросил скорость. Водитель задней машины с визгом притормозил, едва не достав бампером фургон Деева.

- Салага, – прорычал капитан и грязно выругался.
- Пообвыкнется, – успокоил его Пантюхин.

Свет фар уперся в высокий дощатый забор, окрашенный зеленой краской. После трех коротких гудков часть забора бесшумно раскрылась и, пропустив машины, так же бесшумно заняла прежнее место. По пустырю, поросшему крапивой и лопухами, тянулась накатанная колея, которая заканчивалась недалеко от глубокой, недавно вырытой траншеи. Фургоны, не доезжая до нее несколько метров, синхронно развернулись радиаторами друг к другу, затем попятились назад и замерли, не заглушая моторов и не выключая фар. Из них стали выпрыгивать бойцы НКВД и строиться в цепь. В скрещенных лучах света лицом к траншее конвоиры поставили заключенного. Деев нехотя вылез из кабины, сплюнул папиросу и, затоптав ее носком сапога, зыркнул на заключенного.

– Тоже мне цаца. Сейчас из тебя мозги вышибут вместе с твоей чертовщиной... – пробурчал он и коротко скомандовал:

- Готовьсь!

Бойцы подняли винтовки, начали целиться в затылок заключенного. Тот медленно повернул голову и темным глубоким взглядом по очереди оглядел палачей.

Винтовки в руках бойцов дрогнули и стали перемещаться, направляя дула на капитана. Деев, вглядываясь в бумажку, которую держал в руках, ничего не замечал.

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики трибунал ВЧК приговорил Карамжанова Тимура Сабсановича к высшей мере наказания – расстрелу, – монотонно дочитал чекист и, перед тем как закончить обычный обряд казни, бросил взгляд на красноармейцев. Увидев наведенные на себя винтовки, капитан задрожал, лишился дара речи и обмочился. Тоненькая струйка потекла по его брюкам. Галифе, заправленное в сапог, быстро становилось влажным. Деев перевел взгляд на заключенного, зрачки его от ужаса расширились, и он звенящим шепотом скомандовал:

- Пли!

Залп спугнул ворон в парке, и птицы с громким карканьем заметались над пустырем. Капитан, пытаясь удержать равновесие, шагнул вперед, на секунду замер и упал, уткнувшись носом в землю. Затоптанный окурок папиросы оказался рядом с его полураскрытыми губами. Бойцы воткнули винтовки штыками в землю, повернулись и пошли прочь. За ними последовали водители фургонов. Лица бойцов при этом были удивительно спокойны, а глаза полузакрыты.

Тимур Сабсанович Карамжанов шагнул к одной из винтовок, нагнулся, перерезал о штык веревки, размял затекшие руки, выдернул винтовку из земли и, подойдя к фургону, ткнул штыком в радиатор. Струя кипящей воды со свистом вырвалась наружу. После этого он отбросил винтовку, уселся в кабину второго фургона и рванул с места. Грузовик набрал скорость и, смяв забор, помчался по парку. Оставшийся на пустыре грузовик еще некоторое время тархтел движком, потом дернулся и затих. В свете его затухающих фар медленно остывало то, что еще совсем недавно называлось капитаном Деевым.

* * *

Писатель Олег Каребин был дотошен и не пил водки. И если первая черта характера порою встречается у тружеников пера, то вторую можно назвать удивительной редкостью. Олег Иванович не просто воздерживался от спиртного – он люто ненавидел алкоголь. Людей, упо-

требляющих крепкие напитки постоянно, Каребин считал распущенными скотами, не умеющими получать удовольствие от собственного интеллекта.

Работал литератор в историческом жанре и до девяностых годов писал в стол.

Он понимал историю России вовсе не так, как ее предпочитали подавать народу вожди развитого социализма, поэтому и не мечтал увидеть свои труды на книжных прилавках. Но настала Демократия, и цензура тихо, словно утренний туман, растворилась. Большинство официальных, кормящихся в Литфонде творцов растерялось, и перо их жалобно повисло. А когда не стало Советской власти, которая их кормила и с которой они исподтишка боролись, оказалось, что писать им вовсе не о чем. И тогда творческая импотенция приняла необратимый характер.

Кузнецы литературного цеха еще некоторое время обивали пороги своей организации в поисках материальной помощи, затем, поняв тщетность подобных усилий, разделились на две части. Первая сдала свои роскошные квартиры в центре Москвы иностранным бизнесменам, которые как мухи на мед полетели в Россию впихивать все, что уже нельзя было впихнуть дома. Искатели легкого злата, не торгуясь, выкладывали за жилье в центре столицы нового Клондайка таинственные зеленые купюры. Эти купюры уже не прятали в трусы, опасаясь высшей меры, а гордо меняли на рубли в каждой подворотне. На доходы от недвижимости, полученной от той же ненавистой Советской власти, владельцы престижных квартир приноровились жить не хуже, чем на денежки Литфонда, только им пришлось переехать на окраины в промышленные районы или обосноваться на своих дачах по берегам Красной Пахры и в Переделкине.

Вторая часть, распеваящая во хмелю гимн бессмертного барда «Возьмемся за руки, друзья», горько запила и быстро вымерла. Если кое-кто из ее представителей еще и продолжал передвигаться и произносить слова, то все это было обманом зрения. На самом деле вокруг Центрального дома литераторов бродили живые мертвецы. Исключением из этой компании были редкие небожители, живущие в эмиграции, выставленные в свое время туда за беглость пера и вредность мысли.

Они сразу вернулись на историческую Родину, больше ничего не писали, но с высоты выстраданного Олимпа поучали новое руководство страны, как обустроить Россию.

Существовала и малочисленная третья группка. Она состояла из сочинителей-бизнесменов, делавших большие деньги на заказных пьесах и романах о красных вождях. Эти легко переключились на более реальный бизнес, набрали негров, которые строчили для них детективы, или открыли водочные заводишки, рестораны, строительные компании и напрочь забыли о несчастной Музе с ее болезненным вдохновением.

Олег Иванович Каребин, наоборот, не выпускал пера из рук. Он сделался автором нарасхват. Книги писателя финансировали истосковавшиеся по исторической правде граждане, что давало издателям нормальную прибыль. За три года он превратился из полуголодного придурка, как о нем думали окружающие, в обеспеченного и востребованного производителя литературного товара.

Сорокапятилетний холостяк купил себе квартиру, женился на молодой и красивой студентке Литературного института Маше Барановой, завел вместо пишущей машинки компьютер и десятую модель «Жигулей».

Все это начинающий следователь Слава Синицын выяснил довольно быстро, но ни на шаг не придвинулся к необходимому выводу – кто и почему выстрелом в затылок прекратил успешную литературную и личную жизнь Олега Ивановича Каребина.

Старший лейтенант Синицын тоже водки в рот не брал, не имел дурной привычки к никотину и не ругался матом. И писателю, как только стал вырисовываться его портрет, искренне симпатизировал. Вал заказных убийств прокатился по стране, и начальник райотдела милиции Михаил Прохорович Грушин не сомневался – Каребина застрелили по заказу. Заказные убийства раскрывались редко, и подполковник решил проверить на этом безнадежном деле Вяче-

слава Валерьевича Сеницына. В управлении требовали выдвижения молодых сотрудников, и подполковник прикинул, что это вполне подходящий момент. Лейтенант Сеницын уже успел походить два года в помощниках следователя Штромова и лишь три • месяца назад получил очередную звездочку. Поэтому решение подполковника выглядело со стороны как благословение заботливого родителя на свободный полет любимого птенца. Но на самом деле Грушину просто некому было поручить расследование.

Опытный следователь Никита Штромов, который мог бы раскопать и заказное убийство, с рождением второго сына сбежал в коммерческую структуру. Ему нужны были деньги, а у Грушина их не заработаешь. Лебедев, в отделе которого и сидел Сеницын, уже сам бегал по двум скандальным убийствам. Он обещал приглядеть за старшим лейтенантом, но вести это дело не мог. Подполковник создал следственную группу из трех человек. В помощь Сеницыну были приданы стажер Тема Лапин и опер Гена Конюхов. Но Гена пока об этом не знал, поскольку находился в отпуске.

Капитана Сашу Лебедева Грушин, учитывая их дружеские отношения со старшим лейтенантом, попросил курировать Сеницына неофициально.

Приняв решение, подполковник вызвал молодого сотрудника к себе в кабинет и, поделившись с ним своими соображениями, поручил следствие. Слава согласился с версией начальника о заказном убийстве. Пистолет «Макарова», из которого и был сделан роковой выстрел, валялся рядом с телом, на кафеде возле парадного.

Оружие выбрасывали только профессиональные киллеры, и об этом старший лейтенант хорошо знал. Время смерти писателя ему тоже было известно. Медицинский эксперт Владимир Петрович Предько имел за плечами двадцатилетний опыт работы и сомневаться в своей компетентности повода не давал. Из его заключения следовало, что Каребина застрелили около полуночи.

Почему никто в доме не слышал выстрела в половине двенадцатого ночи, Слава выяснял долго. Маша Баранова сообщила, что в это время крепко спала, а во сне она никогда ничего не слышит. Вдове Сеницын поверил не сразу. Он погнал стажера Лапина наводить справки у ее подруг и друзей по факультету. Те подтвердили (они выезжали на практику и жили с Барановой под одной крышей), что молодая женщина отличалась отменным здоровьем и крепким долгим сном. И по словам ее маменьки, Тины Андреевны Барановой, с которой Слава встретился лично, Машу нельзя было разбудить даже выстрелом возле ее хорошенького ушка.

Жильцы двух других квартир первого этажа уверяли, что выстрела не слышали, потому что тоже спали. Славе пришлось вписать их слова в протокол, хотя он и подозревал, что они нагло врут только потому, что им не хочется становиться свидетелями.

Старший лейтенант нервничал, но ни следа преступника, ни мотивов убийства нащупать не мог. Он каждый день понуро отчитывался начальству о проделанной работе и ехал в Гороховский переулок на очередную беседу с вдовой. Не узнав ничего нового, отправлялся по издательствам, выпускавшим книги писателя. Там разводили руками. Издателям смерть раскрученного беллетриста ничего кроме убытка не сулила.

Поначалу Сеницына посещали всевозможные догадки. Версии в его голове роились. Он предполагал, что и издателям верить нельзя. Они могли отомстить Олегу Ивановичу за то, что он предпочел одних из них и отказал другим.

Книги Каребина выпускали два крупных издательских дома. Одним руководил Илья Эдуардович Гаврилов, другим – Светлана Михайловна Рачевская. Вполне реально выглядела версия, что кто-то из них и не простил писателю его измены.

Но в реальной жизни дело обстояло обыденнее и проще. Гаврилов не мог издать последнего романа Каребина, потому что слишком много вложил денег в его предыдущую книгу, и сам позвонил конкурентке, чтобы та встретила с Олегом Ивановичем. Рачевская с удовольствием согласилась, поскольку как раз была на распутье. Новый роман писателя ее вырочал.

– Мама, я бездарный, тупоголовый юнец, – жаловался Сеницын, укладываясь в постель, – я никогда не распуताю этого преступления, и меня погонят с работы поганой метлой.

В отличие от матерых детективов, которые забывали о профессии, ступив за порог своего кабинета, Слава мучился расследованием днем и ночью – ведь убийство Каребина было его первым самостоятельным делом. Вера Сергеевна гладила сына по голове и говорила успокоительные слова:

– Ну зачем ты так, Пусик? Ты был самый способный студент на курсе. Ты с отличием защитил диплом. И вообще, Пусик, ты очень умный и толковый. Все будет хорошо. Спи.

– Ничего не будет хорошо, – мрачно возражал он, – я осел и тупица.

Но молодой организм брал свое, и Сеницын засыпал. Так прошло две недели.

Сегодняшний день также не сулил Славе никаких авансов. Утром, как и все последние дни, старший лейтенант навестил вдову, ровным счетом ничего от нее не добился и решил поехать в банк, где у писателя имелся счет.

Работники банка долго отказывали ему в информации. Пришлось звонить подполковнику. Грушин принял просьбу молодого следователя без оптимизма, но все же Сеницын своего добился и доступ к финансовым тайнам убитого получил.

Оказалось, что за день до выстрела Олег Иванович снял десять тысяч наличными, что молодого следователя всерьез насторожило. «Нет ли тут какой зацепки? Вдруг у известного писателя кто-то вымогал деньги?..»

Из банка он снова поехал в Гороховский переулок. Маша открыла ему дверь, не выразив ни малейшего удивления. Поначалу Сеницына поражало полное отсутствие эмоций у этой молодой женщины. Ему даже пришла в голову страшная мысль – уж не она ли заказала своего мужа? Но через несколько дней Слава убедился, что эмоций Маша Баранова лишена от природы. Вот и сейчас, впусив молодого следователя в квартиру, она молча уселась за стол и, терпеливо выслушав вопрос о десяти тысячах, задумалась. Причем напряжение мысли на ее лице читалось буквально.

Маша морщила лоб и шевелила губами. Через минуту морщинки на ее лбу разгладились, потому что она вдруг вспомнила:

– Олежек купил тогда новый унитаз. Его еще не установили, он до сих пор лежит в ящике.

И Сеницыну был продемонстрирован унитаз. В фанерной коробке сиял белизной шведский аппарат, при котором имелся чек. Чудо зарубежной сантехники стоило девять тысяч восемьсот рублей. Таким образом, тайна предсмертной банковской операции Каребина была раскрыта. Слава поблагодарил вдову и попрощался.

Время уже было нерабочее, и он решил ехать домой. Но перед самой остановкой десятого троллейбуса вспомнил, что его девушка Лена Шмелева взяла билеты в кинотеатр «Художественный». Сеницын понял, что на троллейбусе ему не успеть. Он подошел к инспектору дорожной службы, показал служебное удостоверение и честно объяснил свою беду. В результате был посажен в черное «БМВ», которое инспектор остановил жезлом. Грузный лысый субъект за рулем, обиженно посапывая, без единого слова довез навязанного ему властью пассажира до Арбатской площади.

Лена уже ждала:

– Предки в гости намылились. Пойдем лучше к нам, – чмокнув парня в губы, предложила она. Ее поцелуй больше походил на штамп в паспорте при пересечении границы, но само предложение имело заманчивый подтекст.

Лена жила в Сивцевом Вражке, и молодые люди через десять минут вошли в подъезд. В огромном холле некогда престижного дома пахло Госпланом и кошками.

Лифтерша Пелагея была староверкой и кошек подкармливала.

– Давай сразу, – шепнула Лена, впусив Сеницына в квартиру.

Слава не совсем понял подругу, затем покраснел, понуро двинулся в ее комнату и начал расстегивать брюки. Лена быстро шмыгнула в ванную и через пять минут явилась готовая к любви.

– Хочешь, музыку поставлю?

Синицын кивнул без всяких признаков страсти, пронаблюдал, как Лена, соблазнительно выставив бедра, присела к музыкальному центру, как поставила диск и томно, словно кошка, разогнулась.

– Я не могу, – признался кавалер.

– Не можешь? – В голосе Шмелевой послышалось искреннее недоумение.

– А если тебе виски налить? У папы в баре есть «Белая лошадь».

– Не в этом дело, Ленка. Просто у меня башка от моего следствия раскалывается.

– И поэтому я тебя не волную? – удивилась Шмелева. Она не могла себе представить, как ее молодой человек при виде столь редкостных прелестей может думать о чем-то постороннем. – Может, ты другую завел?

– Никого я не завел! – огрызнулся Слава. – Убийство распутать не могу.

Скоро крыша поедет. Поэтому и член как тряпка... Я к вдове каждый день таскаюсь, и все равно мрак.

– Сколько же лет этой вдове? – насторожилась Лена.

– Гражданке Барановой двадцать шесть лет, – отчеканил старший лейтенант.

– Тогда понятно, почему у тебя он как тряпка, – предположила Шмелева и облачилась в халат.

– Дура ты, Ленка! Эта Машка Баранова – рыба-рыбой. Я не знаю, как ее покойный писатель трахал. Надувную куклу, мне кажется, и то приятнее.

Шмелева пристально посмотрела в глаза друга и звонко расхохоталась.

– Черт с тобой, малыш. Пойдем куда-нибудь прошвырнемся. Предков из дома по вечерам неделями не выпихнешь, а сегодня сами поплыли. Жалко, конечно...

Таблетку зря вложила...

– Куда вложила? – не понял Слава.

– Не твое дело. Или хочешь, я тебе кофе по-турецки сварю? У папы научилась.

Синицын предпочел кофе. Он натянул брюки, и они отправились на кухню.

– Понимаешь, Ленка, ну ни одной зацепки, – продолжал о наболевшем старший лейтенант Синицын.

Лена колдовала у плиты и была увлечена процессом. Слова друга летели мимо нее.

– Врагов у него вроде нет, – продолжал жаловаться Слава. – Непохоже, что и друзья водились. Каребин по жизни не был тусовщиком...

– Ты все о своем поешь, – выключив газ, поняла молодая хозяйка. Кофе она не прозевала, а потому теперь могла вернуть свое внимание к речам кавалера.

– Ну сама подумай, миллионером он не был. На счету в банке восемь тысяч баксов. Не курил, водки терпеть не мог. Тратил на еду и Машку.

– А что вдова говорит? – спросила Лена, разливая кофе. Детективные истории друга ее занимали мало, но совсем игнорировать его интересы она считала хамством.

– Баранова? Да ничего, – раздраженно сообщил Слава. – Говорю тебе – рыба.

– Она что, его не любила? – Романтическая тема Лену волновала значительно больше, поэтому ее голос заметно оживился.

– Может, и любила, только у рыб этого не заметишь, плавают и пузыри пускают. Так и она – молчит, виновато улыбается и на все вопросы отвечает: «Не знаю».

– А чем эта Баранова занимается? Учится? Работает? – Загадочная вдова начала вызывать у Лены любопытство.

– Ничем. До брака училась в Литературном институте. Зачем училась, по-моему, и сама не знает. Писать не пишет, читать не читает. Я думаю, что ее родители прилично заплатили, чтобы чадо поступило в институт. Вот она там и отбывала. Выйдя замуж, учиться бросила. Сидела дома, смотрела телек.

– Даже книг мужа не читала? – изумилась Шмелева.

– Ни одной. – Славу это и самого удивляло. Он попытался выяснить у вдовы, над чем работал в последнее время Олег Иванович, но ответ оказался тот же: «Не знаю».

– Да, занятная баба... – задумчиво озвучила свой вывод Лена. – Ты попроси у нее разрешения порыться в его письменном столе, вдруг чего-нибудь найдешь.

– Рылся. У него все в компьютере. Там есть один длинный незаконченный роман, но он, как и все его вещи, исторический. Я пролог прочитал. Там пишет о каком-то гипнотизере, который в тридцать седьмом году от чекистов убежал.

– А ты с ней поласковее попробуй. Может, вспомнит чего, – посоветовала Лена и зевнула.

Слава поглядел на свою засыпающую подругу и неожиданно понял, что его мужское уныние вовсе не так безнадежно. Он подошел к девушке, поднял ее за локти со стула, поставил на пол и жадно поцеловал в губы. Левая рука его при этом расстегнула халатик, а правая крепко прихватила маленькую напряженную сисю.

– Дозрел? – улынулась Лена.

– Еще как, – прорычал Слава и услышал, как в замке входной двери повернулся ключ.

– Предки приплыли... – разочарованно протянула Шмелева и застегнула халат.

* * *

Купец Самарин гнал по замерзшей Волге обоз с рыбой. Огромные осетры, замерзшие и твердые, как стволы березы, лежали на санях, укрытые мешковиной. Из пятерых возниц только двое были русскими. Трех калмыков Самарин нанял для экономии. Калмыкам можно платить поменьше, а дело они знают и лошаденки у них повыносливее. Обычно Самарин нанимал двоих-троих в запас, но в этот раз пожадничал и рискнул нанять по одному на подводу, поскольку вынужден был лично сопровождать обоз. Пришло время выправлять бумаги, а для этого необходимо наведаться в столицу. Сам купец ехал в легком санном возке, укрытый медвежьей шубой. По Волге гулял ветер, и Самарин мерз. Поравнявшись с первыми санями, он спросил возницу Алексея:

– Долго ли еще по реке?

– Верст пятьдесят осталось, хозяин, а там свернем к Твери, и дорога пойдет лесом. В лесу потише, – ответил возница и шелкнул кнутом мерина.

– Потише-то потише... – пробурчал Самарин. – Только в лесу того и гляди грабанут.

Он держал наготове два пистолета и военную новинку иноземцев – «наган», но арсенал слабо успокаивал. Разбойники нападают внезапно.

– Может, и грабанут... – безразлично констатировал Алексей. – В прошлый раз Бог милостив, авось и в этот пронесет.

– А если не пронесет? Сможем отбиться? поинтересовался Самарин.

– Биться нельзя. Убьют. С ними лучше миром разойтись. Рыбы еще наловим, а голова одна...

Резонное замечание возницы Самарина не успокоило. Он раздраженно натянул на себя шубу и велел притормозить. Санки хозяина пропустили обоз и поплелись сзади. Короткий зимний день клонился к вечеру. Красное солнце быстро падало к горизонту, а селений на берегу не было видно. Самарин выскочил из саней и, припрыгивая, зашагал рядом.

– Разминаетесь? – усмехнулся кучер Степан.

Степана Самарин не без основания считал самым надежным человеком в обозе.

С ним он ездил не первый год, попадая в разные переделки. Пока мужик стоит на ногах, ему сам черт не брат. Редкий силач мог похвастаться, что уложил Степана своим кулаком. Победить его могла только водка, а такие победы, к сожалению Самарина, случались довольно часто.

– Не правильно согреваетесь, – словно прочитав мысли купца, заявил Степан, – не ноги – душа согрева требует.

– Встанем на постой – налью, – пробурчал Самарин и уселся в сани.

– На постое и печка согреет, а тут в поле на морозе душа особенно требует, убежденно возразил Степан.

– У тебя не душа, а пустая бочка. Она всегда требует, – ухмыльнулся Самарин и отвернулся.

– Хозяин, я слышал, покорооче дорога есть.

– Что еще за дорога? – недоверчиво проворчал купец.

– Мне сказывали, что татары, когда соль в столицу везут, за Черным мысом сворачивают.

– Боязно на незнакомый путь... – почесал затылок Самарин. – Еще заплутаем.

– Однако подумал, что не грех бы спрятаться от ветра.

– Один из твоих возниц ту дорогу знает, – сообщил Степан.

– Из калмыков? – поинтересовался Самарин.

– Ты его за калмыка принял, а он гур.

– А мне все одно – хоть гур, хоть калмык. Туземец, он туземец и есть.

Верить туземцу нельзя. Обманет, шельма, – заключил Самарин, но возницей заинтересовался.

– Его Сабсаном звать. Он третьими санями правит. Гур – человек бывалый, нутром чую, – добавил Степан и, стегнув лошадь, мигом нагнал третий возок.

Поравнявшись, некоторое время ехали молча. Самарин хотел рассмотреть гура, но тот надвинул шапку, и лица его не было видно.

– Скажи, милый человек, тебя, кажется, Сабсаном звать, верно ли, что ты другую дорогу знаешь, не тверскую?

Возница повернул к Самарину загорелое лицо, освещенное закатным солнцем, и купец удивился его красоте. И вправду, возница на калмыка походил мало. Только чуть удлиненный разрез глаз говорил о наличии восточной крови, смуглость его кожи скорее происходила от загара, чем от природного цвета.

– Есть тут солевой путь. Он верст на двести короче тверского. Только наезжен плохо, – спокойно ответил возница.

Самарин почувствовал, что ни голосом, ни лицом гур не выказал никакого смущения, он держался с хозяином как равный с равным.

– Наезжен плохо – не беда. Мы не на скачках. Сани кое-как пройдут, а то, что короче, это в радость... Но как насчет разбоя? – поинтересовался купец.

– Это как везде, – отозвался возница.

– А ты без боязни, – упрекнул Самарин. – Тебе-то терять нечего, я свое не один год наживал, В рыбицу немалые деньги вложил. Мне разбой страшен.

– Решать вам. – Гур отвернулся, давая понять, что данную тему он обсуждать не желает.

– Ладно, сворачивай на новую дорогу. Поведешь обоз. Дойдем без блуда – с меня червонец. Вставай вперед обоза.

Через две версты Сабсан свернул обоз с Волги, и они въехали в лес. Дорога заметной просекой тянулась вглубь.

Часа через три въехали в небольшое селцо. Крестьяне спали, злые лохматые псы обступили обоз и с громким лаем пытались цапнуть возниц за ноги. Когда собаки совсем разошлись,

Сабсан спрыгнул на снег и поднял руку. Собаки вмиг смолкли и, поджав хвосты, разбежались по дворам.

– Ты что, собачий язык знаешь? – удивился Самарин. – Что ты им сказал?

– Успокоил, и все, – пояснил возница.

В избушках начали зажигать лучины и свечи. Наконец появились и жители.

Самарин сторговался о постое. Возницы распрягли лошадей, задали им сена и овса.

Купец и Степан договорились спать в одной избе, принадлежащей крепкой бабе Матрене. Оставшись вдовой с тремя детьми, Матрена содержала хозяйство в чистоте и порядке.

Баба растопила печь. Рубленая топором мерзлая осетрина распространяла по избе аппетитный запах व्यюжки. Самарин полез было в свой походный сундучок за крепкой настойкой, но хозяйка поставила на стол полную четверть прозрачного первачка. Степан нетерпеливо поглядывал на свою, пока пустую, кружку, когда в избу тихо вошел Сабсан и знаком позвал Самарина в сени.

– Пока не захмелели, хочу кое-что сказать, – шепнул гур купцу.

– Что приключилось? насторожился Самарин.

– Пока ничего, но подумай сам: шесть дворов, и везде вдовы, а в сараях свежeweделанные шкуры. Конюшни с конским духом, а лошадок нет. Боюсь, что наши гостеприимные вдовушки напоят нас, положат спать, а там, глядишь, их мужья и воскреснут. Уж не в разбойничий ли скит мы стали на постой?

– Что же делать? – испугался купец.

– Вина не пить. Быстро поужинать и в дорогу, – шепнул Сабсан и вышел.

Огорченный Степан тяжело попрощался с возможностью «согреть душу», но, поняв серьезность положения, вздохнул и пошел по дворам предупреждать возниц.

Быстро отужинав, не притрагиваясь к чаркам, обозники запрягли коней и ночью тронулись в путь. Молча, неодобрительными взглядами провожали их хозяйки, хотя Самарин за постой расплатился сполна.

Версты три тихо ехали лесом. Самарин дал пистолет Степану, а сам сжимал иноземный наган. Но постепенно чувство опасности стихало и появилось сомнение, не зря ли гур сорвал их с теплой ночевки. Причем эти сомнения тем больше росли, чем дальше отходил обоз от деревушки. Сани хозяин на всякий случай пустил в центре обоза и теперь на узкой лесной дороге мог двигаться с той же скоростью, что и остальные. Его отдохнувший вороной нервно перебирал ногами, тоскуя от неволи и медленности своего шага.

Темный лес обступал со всех сторон. Ветви иных елей почти дотрагивались до шапок возниц. Сабсан хорошо видел в темноте, а потому лежащее поперек дороги дерево заметил издали. Он остановил обоз и велел возницам вооружиться, кто чем может. Ватага разбойников выскочила на дорогу из леса. Маленькие лошадки под лихими людьми ржали и били копытами. Самарин начал палить из нагана. Степан свалил одного плетью. Двое других прыгнули ему на спину. Пока он стаскивал их, третий ударил ножом. Степан вскрикнул и осел на снег. Но тут подоспел Сабсан и голыми руками раскидал разбойников. Самарин не мог понять, что делает гур.

Казалось, тот еле прикасался к нападавшему, а лиходеи сразу падал и больше уже на ноги не поднимался. Не прошло и нескольких минут, как все разбойники оказались на снегу. Кто-то из них стонал, кто-то не подавал признаков жизни.

Степана подняли, перевязали. Нож пробил легкое, но сердца, видать, не задел.

Пока возницы убирали лежащее на дороге дерево, Сабсан обнаружил за елками сани, запряженные мохнатым жеребцом. В них хранились ружья и веревки. Сабсан вывел жеребца на дорогу, перенес ружья и веревки в возок Самарина, погрузил в сани стонущие тела разбойников и сильно хлыстнул жеребца. Тот поволок тяжелые сани в сторону деревни. Поверженных оказалось девять. Ровно по числу изб.

А обоз двинулся дальше в путь. Самарин правил сам. На хозяйском месте дремал раненый Степан. Самарин ехал и думал, как ему наградить Сабсана.

Червонец теперь дать точно придется, но, пожалуй, этого мало. Одни трофеи стоили куда дороже. «Одарю его собольей шапкой, и еще медвежью шубу отдам. Она уже свое пожила, а гуру еще послужит. Больно куций у него зипун», – решил Самарин и, радуясь своей доброте и удачному концу баталии, незаметно задремал.

Конь покорно тащил сани в середине обоза. Деваться ему было некуда...

До Петербурга караван добрался без приключений. Гур получил обещанный червонец и наградную шапку. Медвежью шубу купец пожалел.

Закончив дело, Сабсан заглянул в трактир на Сенной. Трактир этот посещали извозчики, и гур подсел к трем бородатым мужикам. Извозчики оглядели его с ног до головы, и тот, что был постарше, спросил:

– Татарин?

– Гур, – улыбнулся Сабсан.

– Про таких мы и не слыхивали, – удивился мужик.

– Гур – это почти китаец, – пояснил Сабсан. – Что, и китайцев в городе белого царя нет?

– Китайцы есть, – обрадовались бородачи.

К концу трапезы Сабсан знал адреса всех китайцев Петербурга и, расплатившись, тут же двинул к одному из них.

* * *

Ван Си Кин в коротком шелковом халате медленно обходил свою вотчину, вглядываясь в клубы пара, не ленится ли кто-нибудь из его работников. Хозяин небольшой китайской прачечной жил в столице империи пятый год и берег репутацию своего заведения. Тщательно проверив ход дела, он вернулся в кабинет, отделенный от работников прозрачной шелковой ширмой, и уселся на ковер возле маленького инкрустированного темным деревом столика для игры в нарды. Ван Си Кин играл сам с собой, сосредоточенно передвигая фишки и подбрасывая игральные кости. Результат каждого хода он старательно записывал на специальном листе розовой тушью. Этот человек во всем любил порядок, и досуг не был исключением.

Склоненная в почтительном поклоне, Ан Сан Хи отвлекла хозяина от игры.

Молодая миниатюрная китаянка ждала, когда хозяин позволит ей заговорить. Эта женщина исполняла в заведении множество обязанностей. Правая рука хозяина, она принимала заказы от прислуги богатых домов, аккуратно записывала имена и адреса владельцев, всегда присутствовала при упаковке чистого белья и сама выходила с поклоном к извозчику, когда белье забирали. Кроме этого, она следила за работницами не только в самой прачечной, но и после работы. Женщины не имели права на случайные знакомства с белыми и иностранцами. Нравственное поведение нанятых оговаривалось в контракте, и за этим строго присматривали.

АН Сан Хи склонилась в почтительном поклоне и сообщила Вану, что его спрашивает незнакомый человек.

– Кто он? – недовольно отвлекаясь от игры, поинтересовался Ван.

– Говорит по-китайски, но, по-моему, гур.

– Что нужно гуру в городе белого царя? – спросил сам себя Ван и дал женщине знак привести гостя.

Сан Хи с поклоном удалилась и через минуту вернулась с высоким мужчиной, еще не старым, но со следами прожитых лет на смуглом красивом лице.

Гость почтительно, но без подбострастия поклонился и застыл в ожидании реакции. Ван Си Кин приветливо улыбнулся, но его маленькие настороженные глазки не улыбались, а внимательно изучали пришельца. Под зипуном того виднелся не слишком чистый халат, а

обувь говорила о том, что он проделал долгий и нелегкий путь. Но дорогая соболья шапка не могла согреть голову бедняка.

Сделав вывод, что перед ним не нищий, Ван Си-Кин гостеприимно указал на ковер. Мужчина снял зипун, шапку и ловко уселся напротив хозяина. Ван позвонил в колокольчик и попросил Сан Хи принести им чай. Отпив из деревянной лаковой чашки, гость поблагодарил хозяина.

– Ты прекрасно говоришь по-китайски, хотя больше похож на гура, – удивился Ван.

– Отец мой гур, но родители погибли при монгольской смуте. Я рос в горах в китайской семье, недалеко от Ланчжоу-фу и убежал от маньчжурских чиновных коршунов. Они разорили мою семью. Чиновники белого царя – телята ламы по сравнению с ними. Маньчжурская династия погубит Китай. Английские хищники развратили народ опиумом, и им все дозволено. Я тоже ищу место под луной. Если у тебя найдется для меня дело, я стану хорошим работником.

– У меня есть место истопника больших чанов. Пять рублей в месяц – хорошее жалованье, – вкрадчиво предложил Ван.

– Согласен.

– Но два рубля тебе придется платить за жилье и дрова. В этом городе на болотах дрова недешевы... – масляным голосом добавил Ван.

– Согласен.

– Тогда по рукам.

– По рукам, – улыбнулся гость.

– Я не знаю твоего имени. Нехорошо иметь безымянного работника.

– Отец называл меня Сабсаном, а в китайской семье меня звали Ли Саном.

Называй как тебе удобнее.

– Я буду звать тебя Ли Сабсаном, – заявил хозяин и позвонил в колокольчик.

АН Сан Хи выросла словно из-под земли.

– Мы будем ужинать. Принеси нам свинину с луком и рис. И не забудь рисовой водки. Мы должны отпраздновать появление нового истопника большого чана.

Когда Сан Хи вышла, Ван предупредил, что у него кончается соя.

– Караваны из Китая зимой приходят редко, – пожаловался Ван.

Сабсан развернул увесистый узел плотного шелка и протянул Вану глиняную бутылку. Ван вынул пробку, понюхал и защелкал языком.

– Настоящая сучунская соя! Как тебе удалось сохранить ее столько дней пути?

– Я рад, что угодил, – улыбнулся Сабсан.

Сан Хи принесла поднос с дымящимися горшочками и две пиалы с рисом. Ван протянул Сабсану пиалу и подал палочки из сандалового дерева.

Сабсан принял пиалу и, разглядывая палочки, похвалил работу:

– Рука пекинского мастера.

– Руку ты угадал, но сделаны они тут. Мой приятель, банкир Сянь-Цзы, режет дерево, когда думает о деньгах.

Хозяин и гость помолились и принялись за еду. Выпив по глотку рисовой водки и немного помолчав, Сабсан спросил у хозяина:

– Сколько у тебя работников?

– Работниц, – поправил Ван. – И любая, кроме Дн Сан Хи, может стать твоей, только не в ущерб работе, – цокнул языком Ван.

– Право на женщину еще надо заработать, – усмехнулся Сабсан.

– Ты разумный человек. Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Это наверху, недалеко от моих покоев.

– Я люблю гулять по неизвестным местам. Иногда брожу по ночам. Мне бы хотелось иметь жилье, чтобы не мешать никому моими прогулками, – выразил пожелание Сабсан.

– Конечно, ты человек бывалый, но в этом городе я не советовал бы тебе гулять по ночам в одиночку. Беглые каторжники и другие лихие люди здесь не редкость.

– Я обучен защите, – успокоил хозяина Сабсан. – За меня не бойся.

Ван покачал головой и повел Сабсана за собой. Они вышли во двор и по снежной тропинке добрались до маленького флигеля. Ван отомкнул тяжелый замок и впустил в него гостя. Факел осветил небольшую комнату, заваленную старыми вещами.

– Тут надо прибраться, но печь исправна, и если хорошо протопить, два дня тепло. Это сегодня тут как в леднике. Поспи ночь моим гостем, а завтра устроишься.

– Ничего, я и сегодня устроюсь, если ты мне покажешь, где взять дрова.

Ван показал дворовый склад с колотыми дровами и, пожелав новому работнику добрых снов, поспешил назад в теплую прачечную.

Целуя в постели миниатюрную Сан Хи, он между делом велел ей не заглядываться на гура.

– Смотри мне, отошлю обратно к твоему повелителю... – пригрозил Ван.

Сан Хи прыгнула на пол и, встав на колени, принялась умолять Вана не делать этого.

– Ладно, иди ко мне. Ишь, испугалась... – добродушно проворчал Ван и потянул женщину к себе.

Сабсан быстро растопил печь, разобрал вещи и соорудил себе на софе ложе.

После этого разделся и вышел голый на улицу. С разбега упал в снег, растер себя с ног до головы и, вернувшись во флигель, надел халат. При свете горящих дров постоялец развернул свой узел, достал толстую желтую свечу и зажег ее. Пламя свечи наполнило комнату красноватым мерцающим светом. Установив свечу в тяжелый каменный подсвечник, Сабсан извлек небольшой кожаный мешочек, исписанный иероглифами. В нем хранились три бронзовые фигурки Таши-лам и растение, похожее на ветку хвои. Большим кривым ножом Сабсан срезал маленький отросток ветки и положил возле свечи. Затем расставил на ковре фигурки лам так, чтобы они образовали треугольник. Толстая желтая свеча оказалась в центре. Сделав все приготовления, Сабсан несколько минут просидел без движения. Глаза гура в это время были закрыты. Потом, открыв глаза, он прошептал несколько слов на непонятном для непосвященных языке и поднес кусочек ветки к пламени свечи. Хвоя сперва ярко вспыхнула, но тут же погасла, наполняя комнату клубами ароматного красноватого дыма. В клубах этого дыма постепенно возникла комната Ван Си Кина и он сам, сжимающий в объятиях миниатюрную китаянку. Сабсан, не шевелясь, наблюдал за любовниками. Утолив любовный голод, Ван Си Кин встал, подошел к сундучку, укрытому салфеткой из бисера, и открыл его. Достав из сундучка жемчужное ожерелье, протянул его женщине.

– Возьми. Я добрый.

– Раба сегодня угодила моему повелителю больше, чем вчера? – кокетливо произнесла Сан Хи, примеряя бусы.

– Ты прекрасна, как всегда. Но я сегодня добрый, потому что за маленькую плату получил хорошего работника.

– Если хочешь узнать мнение своей служанки, Сан Хи выскажет его.

– Мне всегда приносят пользу твои советы, – отозвался Ван Си Кин, укладываясь на ложе.

– Гур не простой работник, сообщила Сан Хи, потягиваясь, как кошка.

– Что ты этим хочешь сказать? – не понял Ван Си Кин.

– Ты не заметил, как он держал палочки, когда ел рис? – спросила Сан Хи.

– Правильно держал, удивился вопросу Ван.

– Правильно, но мизинец отгибал вправо. Так держат палочки князя Тибета.

– Зачем князю Тибета искать работы в прачечной? – рассмеялся Ван.

– Вот и я подумала, зачем? – тихо повторила Сан Хи.

Дым от ветки рассеялся, и видение исчезло. Сабсан поглядел на свои руки и покачал головой.

– Легче повернуть в долину горного барса, чем обмануть женщину, – прошептал он и улегся на свое ложе.

Утром хозяин показал Сабсану его рабочее место. В огромных чанах кипятилось тончайшее белье из голландского полотна. Сабсан быстро освоил процесс и без труда поддерживал ровный и постоянный огонь под котлами.

Несколько работниц, скрытые клубами, как будто и не поднимали головы от своих стиральных досок, но Сабсан быстро заметил, что они успевают кидать на него заинтересованные взгляды. Новый работник, обнаженный по пояс, привлекал к себе взгляды китаянок не случайно. Могучий торс, узкая талия, игра мышц во время работы. Он и впрямь был хорош. Сан Хи часто оказывалась рядом и женский интерес к Сабсану отметила, но также отметила, что сам истопник никакого интереса к женщинам прачечной не проявлял., – Ему не до них, – сообщила она свои наблюдения Вану. – Поверь, он знал женщин в шелках. Наши девчонки ему неинтересны...

Днем во время короткого обеда Сабсан незаметно исчез. За общим деревянным столом его миска с рисом и кусочками сладкой рыбы оказалась нетронутой.

Работницы, быстро управляясь палочками со своими порциями, так и не дождались новенького. Они застали его у котлов, когда вернулись на рабочее место.

– Господин Ли дал обет голодания? – невзначай полюбопытствовала Сан Хи.

– Я перекусил в городе, – ответил Сабсан и добавил:

– В каждом месте, куда меня заносит судьба, я изучаю все, чем живет незнакомый мне народ. Кухня в городе белого царя показалась мне достойной. Я отведал поросенка с хреном в трактире на Невке.

– Наверное, ты купил целого поросенка и то, что недоел, принес к себе? – не унималась Сан Хи.

«И это заметила», – подумал Сабсан. Он был уверен, что, когда нес свой узел во флигель, его никто не видел. Но выходит, Сан Хи не проведешь.

– Я купил немного одежды. Мой халат слишком износился, – пояснил гур.

Закончив работу, Сабсан помыл котлы, вынес золу и приготовил дрова на завтра. Хозяин предложил поиграть в нарды, но Сабсан имел другие планы.

– Я не успел оглядеть город белого царя. Если хозяин не возражает, я бы побродил по Петербургу.

– После работы ты сам себе хозяин, – ответил Ван Си Кин и удалился в свой кабинет.

Сабсан не спеша искупался, радуясь тому, что горячей воды в прачечной хватало, оделся и вышел на улицу. Его странная для столицы одежда обращала на себя внимание прохожих. Хотя в Петровом граде давно встречались арапы и китайцы, на Сабсана оглядывались. Его зипун, из-под которого проглядывал восточный халат и меховые мокасины, вместе с собольей шапкой, которую он получил в награду от купца Самарина, создавали удивительный образ. Но гура внимание петербуржцев не смущало.

Миновав набережную канала, он вышел на Невский и с восхищением обошел Зимний дворец. За чугунной оградой в свете фонарей гуляли придворные. На Невском проспекте Сабсана заинтересовали книжные лавки и лавки древностей.

Перед каждой витриной он на минуту замирал, ожидая, когда интуиция даст ему какой-нибудь знак. Знака не было, но Сабсан все равно заходил. Особенно его привлек ряд с колониальными товарами. Здесь продавались великолепные арабские седла и сбруи, кривые шашки и ятаганы, инкрустированные серебром и золотом, медная и серебряная посуда. Оглядев прилавки, Сабсан уже собрался выйти, как что-то его остановило. Он вернулся и, пройдя за прилавком, заметил в дальнем шкафу фигурку Таши-ламы. Потускневшую бронзу давно не чистили.

Смуглый турок-продавец запросил за нее три рубля. И хотя Сабсан понимал, что если поторговаться, турок отдаст безделушку за двадцать копеек, делать этого не стал. Пришлось разменять золотой червонец. Торговец попробовал монету на зуб и, расплывшись в улыбке, дал сдачу. Сабсан завернул покупку в шелковый платок и спрятал на груди. Три фигурки, которые он держал в своем флигеле, словно близнецы, были похожи на эту.

– Откуда у тебя такая статуэтка? – спросил гур продавца.

– Я недавно купил магазин у индуса Крушара. Индус не выдержал морозов и уехал. Фигурка осталась от него.

– А что еще осталось от прежнего хозяина? – поинтересовался Сабсан.

– Если хочешь, отведу тебя в кладовку. Я ее разобрать не успел. Если тебе там что-нибудь приглянется, буду рад.

Сабсан выразил желание посмотреть, и турок проводил его в подвал, предварительно снабдив толстой восковой свечой. Войдя в кладовку, Сабсан поблагодарил турка и, когда тот ушел, уселся на низкий, обитый шелком табурет.

В помещении кроме медной посуды, ковриков, половичков и выцветшего шелка стоял сундучок, инкрустированный темным деревом и перламутром. В нем помимо бумаг, на которых индус делал торговые записи, Сабсан обнаружил миниатюрный портрет девушки в тисненой кожаной рамке. Прекрасные ее черты притягивали и завораживали. Внешность красавицы говорила о восточных корнях. Она могла быть дочерью Индии или Персии, но возможно, и гречанкой. Земля Эллады смешала столько кровей за последние века. Сабсан взял миниатюру в руки и почувствовал, что на его груди вдруг стало тепло. Он вспомнил про бронзовую фигурку Таши-ламы, достал ее и потрогал. Бронза была горячей. Сабсан поставил фигурку на ковер, положил рядом миниатюру и опустил над ними руки ладонями вниз.

– Иди в дом, в котором ты сделал первую остановку в этом городе. Это казенный дом. Там ты найдешь меня.

Голос принадлежал портрету, Сабсан это понял сразу. Голос был низкий и бархатный. Такой же бархатный, как и глаза девушки.

– Кто ты? Как тебя зовут? – спросил гур, но ответа не получил. Он потрогал фигурку Таши-ламы и почувствовал, что она остыла. Пальцы ощутили металлический холодок бронзы.

Сабсан поднялся наверх. Турок сидел за прилавком и курил трубку. Гур показал ему миниатюру и спросил, сколько тот за нее хочет.

– Ты переплатил мне за ту безделицу. Возьми ее в подарок, – ответил турок, даже не взглянув на портрет.

Сабсан поблагодарил и вышел на улицу. Он шел, стараясь припомнить первый дом в городе. Они тогда заехали в глухой двор, и Самарин приказал сгрузить с десяток осетров. Сабсан помнил дубовый амбар, скользкие от инея ступеньки в погреб. Там внизу на огромном леднике его поразило обилие разнообразной мерзлой дичи. Он удивился оперению диковинных фазанов и вовсе мелких пичуг. В другом углу лежали рыбины. Они тогда сложили осетров рядом с огромной белугой.

«Как же найти тот двор, и что в нем может делать эта прекрасная девушка?» – задумался Сабсан. Затем остановился, напряг память и попросил:

– Ригден Джапо, направь меня. Через минуту он уже знал, куда идти. Двор, где они сгружали осетров, оказался рядом с колониальным магазином турка. Это был двор ресторана «Пас-саж». Сам ресторан имел фасад на Невском, но службы его находились сзади, и попасть в них можно было с переулка. Сабсан обошел здание и вспомнил ворота двора, сейчас наглухо запертые. Он вернулся к парадному подъезду и поднялся по широким ступеням.

Швейцар в шитой золотом ливрее преградил ему дорогу.

– Тут только для господ... – начал было лакей, но под взглядом гура умолк и с поклоном раскрыл перед ним дверь.

Половой в изумлении также раскрыл было рот при виде необычного посетителя, но тут же склонился и провел Сабсана в зал. Странный клиент уселся за столик в нише. Половой принес вина и зажег канделябр. Сабсан огляделся.

В центре зала журчал фонтан. Столики располагались в глубине грота и пока пустовали. Кроме невнятного бормотания со стороны кухни никаких звуков тут не слышалось, и казалось, что ресторан замер в вечной спячке. Сабсан не спеша выпил свое вино и поманил полового. Внезапно сонные лакеи проснулись. В зале возникла невероятная суета. Половые начали перетаскивать и сдвигать столы возле фонтана. Из взволнованных переговоров челяди, где часто повторялось имя Сытов – «Сытов приехал, Сытов гуляет», – становилось понятно, что приехал некто, кого здесь знают и к кому относятся с почтением. Сабсан спросил у лакея, который подливал ему вина:

– Что у вас за суматоха?

– Заводчик Сытов с компанией. Скуп. В обычное время от него и пятака на чай не получишь, а когда гуляют – сотнями сорят, – ответил лакей и, побежав к остальным, добавил на ходу:

– Сегодня, кажись, гуляют...

Огромный бородач в окружении свиты из господ и дам важно прошествовал в центр зала. Лакеи выстроились и замерли в поклоне, ожидая, когда гость усядется. Сытов занял кресло во главе стола. После него стали рассаживаться остальные. К бородачу вышел сам хозяин заведения – француз Растен.

– Бон суар, дорогой гость. Я и мои люди контан ву вуар, – запричитал хозяин, мешая русскую речь с французскими словечками. – Сегодня смею предложить пур ву дичь! Нам из Вологды доставили рябчиков ростом с гуся. И вкус... – Француз защелкал языком и закатил глаза.

– Какая дичь?! – загремел Сытин. – Я слышал, вам осетров с Каспия навезли.

Прикажи, чтобы осетра несли. И чтоб шельмы на кухне не резали, а тащили целиком. Мы сами нарежем. Осетра, хрена и выпивки! Вашей французской кислятины не смей подсовывать. Мужикам водки, а дамам хереса.

Француз с поклоном удалился. К столу потянулись лакеи с подносами.

Огромный стол быстро наполнялся вазами и блюдами. Сытов сразу опрокинул в себя несколько лафитников. Он ел, пил и громко разговаривал. Часто за столом у фонтана слышался гогот мужчин и томные голоса дам. Неожиданно Сытов встал во весь свой гигантский рост и, оглядев зал, грозно крикнул:

– Где Варька? Цыгане где?

Музыканты словно ждали, когда о них вспомнят. Кто со скрипкой, кто с гитарой, они ворвались в зал, цыганки с ходу затянули хоровую. Но Сытов прервал песню:

– Варьку мне!

Из грота не вышла, а выплыла молодая цыганка и, махнув платочком Сытову, тихо сказала:

– Тут я, соколик мой. Больно ты сегодня грозен.

И хоть говорила она почти шепотом, Сабсан не только услышал, но и почувствовал каждое произнесенное ею слово. Гур мгновенно узнал ее. Девушка с миниатюры и цыганка Варя имели одно лицо.

Варя запела. Сперва без музыкантов. Потом вступила скрипка, за скрипкой гитары и бубен. Хор поддержал припев. Молодые цыганки затеяли вокруг Вари танец. Юные гибкие тела двигались в ритме, веками отшлифованном этим древним народом. Цыганки были хороши, но Сабсан не сводил глаз с Вари. Не сводил глаз с Вари и Сытов. Девушка пела, и ее бархатный голос обволакивал и ласкал. Каждому казалось, что она обращается именно к нему.

А еще казалось, что в ней соединены необычайная доступность кокетки и ледяной холод королевы. И это сочетание сводило мужчин с ума. Допев, Варя огляделась и увидела Сабсана. Сначала бархат ее глаз выразил изумление. Затем она сделала несколько шагов к его столику.

– Ты кто?

Гур встал и поклонился. Варя рассмеялась. Она смеялась так озорно и так заразительно, что Сабсан, вместо того чтобы обидеться, тоже улыбнулся. Тут его заметил Сытов. Лицо купца налилось кровью.

– Кто пустил? Убрать!

Лакеи подлетели к Сабсану, но от его взгляда попятились назад. Тогда встал Сытов и, грозно сжав кулаки, двинулся к столику Сабсана. Но сделав несколько шагов, поскользнулся и упал. Варя снова залилась смехом. Сытова подняли. Он отряхнулся, проворчал что-то и, не глядя в сторону предмета своего гнева, подошел к Варе.

– Сейчас тут гуляем, а потом ко мне, – после чего достал сотенную и вложил Варе за лиф. – Всю ночь мне петь будешь, озолочу...

– Хозяин – барин, – улыбнулась Варя и кивнула музыкантам. Те заиграли танец.

Сабсан подозвал полового, расплатился и вышел. Обида жгла ему грудь. Он шел домой и ничего, кроме лица Вари, не видел. Отомкнув свой флигель, словно заведенная кукла, затопил печь, уселся на ковер, поставил перед собой портрет Вари и уставился на него. На груди вновь потеплело. Гур вспомнил про покупку.

Достал фигурку и, разворачивая шелк платка, ощутил под пальцами горячий металл.

Тогда он выставил свои фигурки, создав из них треугольник, а новую поставил в центр. Запалив свечу, поджег на ней маленькую веточку. Красноватый дым начал заполнять комнату. Из него возник малыш, который протянул ручонки к Сабсану и произнес три слова: «Папа, спаси маму». Повторив просьбу три раза, опустил руки и добавил: «Папа, я найду твой камень». И тут видение исчезло.

Гур резко поднялся и, не надевая шубы, бросился на улицу. Он бежал туда, где оставил Варю. Бежал, не обращая внимания на снег, по которому скользил мех его обуви, на ветер, что пронизывал и трепал его волосы, на мороз, который к ночи стал крепким.

Кавалькада коней с гогочущими седоками пронеслась мимо. В последних санях Сабсан заметил Сытова и Варю. Заметил и замер, но только на секунду. Варя и Сытов не видали его.

– Погадай мне, Варенька, – попросил в этот момент купец.

– Что ты хочешь услышать? – рассмеялась Варя.

– Расскажи мне, какой я есть. Опиши мою душу, – бахвалился Сытов.

Варя поглядела на него. Улыбка сошла с ее губ. Глаза девушки стали суровыми и пронизывающими.

– Ты вправду этого хочешь? – протянула она с сомнением.

– Конечно, хочу. Иначе не стал бы просить, – ухмыльнулся Сытов.

– Я ведь скажу правду. А она тебе не понравится...

– Мне правда о себе не понравится?! – изумился купец.

Варя снова расхохоталась, затем обволокла гуляку своим волшебным взглядом и тихо сказала:

– Ты жаден и жесток. Сегодня потратишься, потом три дня спать не будешь.

– Я жаден? – взревел Сытов.

– Родной брат будет тонуть, ты его без платы не вытащишь. Хотел про себя послушать, соколик мой, так слушай... – Варя замолчала и укрылась платком.

– Дрянь! Шлюха! – закричал Сытов и, подхватив Варю, выбросил ее из саней.

Девушка покатила по снегу. Сытов, не оглядываясь, поскакал дальше.

Сабсан бежал сзади. Он подхватил Варю и, подняв ее, проводил тяжелым взглядом санки с купцом.

Тройка вынесла Сытова на набережную. На резком повороте сани наклонились, и огромную тушу купца выбросило на лед. Несколько секунд он скользил, пока страшный удар о фонарный столб не прекратил это скольжение. Шапка Сытова отлетела, и из виска на белый снег брызнула темная тягучая кровь.

Сабсан шел по городу, прижимая к себе Варю. Девушка не приходила в сознание. Иногда она стонала от боли. Рука цыганки странно свисала, и Сабсан старался ее руку поддержать.

– Потерпи, милая, скоро не будет больно. Руку мы вправим, а лучи башни Ригден Джапо вылечат тебя. Жар царского камня вернет тебе силы, а отвары Тибета помогут забыться.

Дрова в печи флигеля не успели догореть, в комнатке сохранилось тепло.

Сабсан уложил цыганку на постель. Острым кривым ножом срезал рукав ее платья, взял девушку за кисть и, нажав коленкой в плечо, сильно дернул. Рука встала на место. Варя вскрикнула и снова потеряла сознание. Уложив девушку и накрыв ее своей шубой, Сабсан приготовил отвар из тибетских трав в большой фарфоровой пиале и, приподняв цыганке голову, влил ей несколько капель. Варя закашлялась и открыла глаза.

– Где я?

– Под доброй крышей...

– Кто ты? – Варя оглядела Сабсана, изучая его лицо.

– Я Сабсан, сын гор. Спи. Мое лекарство уже лечит тебя.

Цыганка улыбнулась и закрыла глаза. Гур уселся у ее ног и задул свечку. От пламени в печи плясали тени бронзовых фигурок Таши-Лам. Сабсан протянул над ними руку, повернул ладони вниз и спросил:

– Я исполнил просьбу мальчика?

– Ты исполнил просьбу Царя. Отправляйся в мир снов. Мы придем в твой сон и научим будущему, – услышал он.

Дрова в печи медленно догорели, и комната погрузилась во тьму.

Утром Сабсан зашел в прачечную. Ван Си Кин сидел в своем кабинете. Гур учтиво ему поклонился.

– Я пришел поговорить с тобой, хозяин.

– Я чувствовал, ты не простой работник и скоро покинешь меня, – грустно проговорил Ван Си Кин. – Ведь ты пришел, чтобы сообщить мне это?

– Хозяин, твое имя Си Кин, такое имя дается лишь тем, кто ищет свет. Я оставлю тебе на память фигурку Таши-Ламы. Вчера мне Боги подарили другую. Эта фигурка принесет покой и счастье в твой дом.

– Я поступил с тобой подло, а ты награждаешь меня.

– О какой подлости ты говоришь? – не понял Сабсан.

– Я пожадничал и предложил тебе меньше, чем ты стоишь. – Ван Си Кин встал и поклонился Сабсану.

– Ты раскаялся, а это самая большая награда для меня. Помни, на свете нет зла, а есть только незнание добра. Сегодня ты совершил маленький шаг к этому знанию.

– Что я могу сделать для тебя?

– Ты и так многое сделал. Дал мне кров и работу...

– Мне стыдно за мою жадность. Чем мне искупить ее?

– Разреши мне и моей невесте день или два побыть в твоём флигеле, пока мы не найдем другого жилья.

– У тебя есть невеста? – удивился Ван Си Кин.

– Вчера Ламы Тибета вручили мне ее. Они ждут от нас сына.

– Ты и впрямь не простой гур. Сан Хи это поняла сразу.

– Твоя Сан Хи умная и красивая. Береги ее, – улыбнулся Сабсан. – Я только наполовину гур. Моя мать была калмычкой.

– Ты можешь жить в моем флигеле сколько захочешь, – позволил Ван Си Кин и добавил:
– Мне не жалко.

Когда Сабсан вернулся, Варя уже проснулась. Она оглядела его и рассмеялась:

– Я тебя помню.

– Как ты можешь меня помнить, если была без памяти? – вздохнул он.

– Я вижу не только глазами, но и душой. Я тебя помню. Ты сидел в ресторане. Потом спас меня. А теперь я, спасенная, очень хочу есть.

– Это значит, что ты поправилась, – пояснил Сабсан и пошел к двери.

– Ты куда? – нахмурилась Варя.

– Надо открыть дверь. Женщина хозяина прачечной несет нам еду.

– Откуда ты знаешь?

– Я вижу не только глазами...

Он открыл дверь, и вместе с морозным паром в комнату вошла АН Сан Хи с подносом. На нем в больших фарфоровых мисках дымились бобы вперемешку с мясом.

Сабсан поблагодарил женщину. Та чинно поклонилась и ушла. Он взял палочки и начал есть.

– Присоединяйся, что смотришь?

– Я никогда не ела палочками.

– Это просто. Смотри: зажимаешь палочки двумя пальцами, а третий – между.

Вот так.

Сабсан легко управлялся со своим блюдом. Варя тоже попробовала. Сначала у нее получалось неважно, но вскоре она освоилась.

– А я знаю, что было и что будет.

– Я тоже знаю, что будет, – улыбнулся Сабсан.

– И что же будет?

– Ты родишь мне сына.

Он сказал это совершенно серьезно, и Варя покраснела.

– Прямо сейчас?

– Не смейся. Это не я придумал. Это воля богов.

– Твои боги велели тебе найти меня? – Варя удивленно поглядела на Сабсана.

– Да, они подарили мне твой портрет. И сказали, где тебя найти. А наш сын просил спасти тебя.

– Подожди, я сейчас погадаю. Варя закрыла ладонями глаза и затихла. Потом вдруг рассмеялась.

– Чему ты смеешься?

– Я увидела моего мужа. Но он был одет как щеголь, и я сперва не признала в нем тебя. Но это был ты. Если тебя нормально одеть, ты красивый... – Варя вдруг замолчала, и глаза ее стали печальными.

– Что с тобой? Тебе не нравится еда АН Сан Хи? – беспокоился Сабсан, заметив перемену в настроении девушки.

– Нет, я почувствовала смерть. Где-то рядом была смерть. Ты знаешь где? – Варя ждала ответа.

– Твой купец умер, – сообщил гур.

– Это ты убил его?

– Я возненавидел его, и он умер, – признался Сабсан.

– Мне с тобой страшно. Я не могу убить. Я могу напустить на человека тоску, но убить не могу.

– Сытов не хотел познать великий Свет. Его убил не я, а сила Ригден Джапо.

Я только подумал, что ненавижу его, а Ригден Джапо лишил его жизни. И я знаю, почему он это сделал.

- Ты знаешь, почему твой бог убил человека? – удивилась Варя.
- Да, знаю.
- Скажи мне.
- Потому что он обидел мать Царя.
- Но я еще ничья мать.
- Сейчас ты ею станешь.

Сабсан обнял Варю и понес ее на свое ложе. Свеча, стоявшая в подсвечнике на ковре, внезапно вспыхнула, и комнату стали заполнять красноватые клубы пара.

Из них возникли цветы лотоса и перемешали реальность близости мужчины и женщины с миром сказок и мифов.

* * *

Слава заложил листок фотографией Лены и поглядел на часы. Часы показывали восемь десять. Он читал компьютерный набор романа Каребина уже два часа, но больше на чтение у старшего лейтенанта времени не было. Пора собираться на службу.

Прошлый день Сеницын по привычке начал с Гороховского переулка. Однако на этот раз пришел к Маше Барановой не с пустыми руками. В кармане следователя лежала чистая дискета, и он, попросив у хозяйки разрешения воспользоваться компьютером-покойного, переписал на нее роман. На работе секретарша начальника Управления Тоня Самойлова за день распечатала его на своем допотопном принтере.

Теперь следователь Сеницын имел возможность изучать «рукопись», не беспокоя вдову. Он собирался заняться этим вечером перед сном. Но вчера Вера Сергеевна уехала к подруге на дачу, и Слава позвонил Шмелевой. Неудачное предыдущее свидание требовало нормального завершения, и он доказал, что не зря носит погоны.

Лена, чтобы не волновать родителей, всегда ночевала дома. Посадив удовлетворенную подругу на такси, Сеницын вернулся, лег в теплую после их бурного свидания постель и взял в руки текст. Он решил одолеть труд писателя, чтобы исключить литературную деятельность убитого из возможных мотивов преступления. Но глаза молодого человека в начале первой же страницы дали муть, а в конце ее крепко закрылись. Однако в мозгу старшего лейтенанта зафиксировалось незавершенность дела, и в шесть утра он проснулся. Сначала события из далекого прошлого никак не вписывались в его интересы, но скоро Слава романом заинтересовался, вовсе забыл свою серьезную профессиональную задачу и увлекся чтением, как ребенок. Необходимость прервать процесс его даже огорчила. Завтракать без матери Славе не хотелось, и хоть его раздражала ее постоянная забота – «Пусик, съешь котлетку, Пусик, выпей молочка», – без нее оказалось тоскливо. Сеницын проглотил стакан холодного кефира и вышел из дома.

В кабинете подполковника Грушина старший лейтенант произнес несколько общих слов, изобразив отчет за вчерашний день и, получив безразличное поощрение заученной фразой «Работай, Слава, работай», вернулся к своему столу.

Михаил Прохорович Грушин по прозвищу Электрик, поскольку считалось, что ему «все до лампочки», в дела своих подчиненных старался вникать поменьше. Он даже на белый свет глядел, прищурившись, словно на прожектор. Все, что он видел, ему доставляло неудовольствие. Подчиненные знали, что в последнее время шеф был особенно не в духе. Подполковник недавно купил новую квартиру, в которой имелись лишь одни стены, и мучился проблемами ее отделки. Квартира Грушина вовсе не вдохновляла, и занимался он ею лишь ради супруги

– огромной, с мощными формами бабы, служившей начальником средней руки в налоговой инспекции.

Оживлялся начальник райотдела только при виде пива и воблы. Все остальные блага земного бытия он принимал безрадостно и фатально. Но несмотря на брезгливое безразличие подполковника к делам служебным, после посещения его кабинета Сеницын чувствовал вину. Со дня убийства шла третья неделя, а он ничего путного пока не нашел.

Комната сотрудников отдела убийств была невелика, но три стола вмещала.

Слава вошел и никого из коллег не обнаружил. Опер Гена Конюхов, который занимал стол по соседству с его, используя законный трудовой отпуск, жарился у двоюродной сестры в Ялте, хотя формально уже числился в группе Сеницына.

Непосредственный начальник Славы, Саша Лебедев, чей стол стоял у окна, большую часть времени носился по городу и появлялся лишь в начале и в конце трудового дня. Лебедев был старше Славы на шесть лет и трогательно опекал молодого коллегу. Слава делился с капитаном своими мыслями и прислушивался к его советам. Поэтому он огорчился, что сегодня Лебедева не застал. Стажер Лапин своего стола пока не завел, да и сидеть ему было некогда. Стажеру Слава поручил обход соседних дворов и квартир, из окон которых виден подъезд писателя, и тот добросовестно топтался там уже неделю.

В комнате было душновато. Сеницын распахнул окно, уселся на свое место и вспомнил Лену. От этих воспоминаний покраснел и, чтобы вернуть себя к трудовым реалиям, выдвинул ящик, извлек записную книжку Олега Ивановича Каребина и в десятый раз углубился в ее изучение. Книжка выглядела очень потрепанной и трудно давалась непосвященному. Но Сеницын довольно быстро установил деловые номера издательств и редакторов, с которыми работал убитый в последнее время.

Большую часть остальных телефонов давно заменили новыми номерами. Молодой следователь скрупулезно выяснил каждый из них, хотя оказалось, что почти все они принадлежали людям, которые вспоминали Олега Ивановича с трудом. Писатель имел с ними случайные контакты, когда искал возможность хоть где-нибудь подработать. Лишь три номера из прежней жизни беллетриста относились к его хорошим знакомым. Это были его школьный товарищ Виктор Суржиков, сосед по прежней квартире Вадим Кочковский и дама-редактор литературного журнала Ирина Старовцева. Со всеми, кроме Старовцевой, отбывшей в командировку, Слава встретился, но никакой полезной информации это ему не принесло. Последний раз Каребин виделся с этими людьми очень давно, потому и не имел новых номеров их телефонов. И лишь один телефон, нацарапанный на внутренней стороне обложки, остался Сеницыным неотработанным. Цифры его едва заметно проступали, но ни имени, ни фамилии их владельца обнаружить рядом не удалось. Слава позвонил на телефонную станцию в службу, которая сотрудничала с управлением внутренних дел, попросил выяснить, кому принадлежит безымянный номер, но результат оказался странным. Девушка сообщила, что у них такого номера нет и информацию о нем она дать не может. Слава прошелся по кабинету, размышляя, что бы это могло означать, затем вернулся за стол и набрал таинственный номер.

– Вас слушают, – ответил официальный мужской голос.

– Простите, с кем я говорю? – не слишком уверенно поинтересовался старший лейтенант.

– Если вы не знаете, куда звоните, разговаривать нам не о чем, – сухо заметили на другом конце провода.

– Извините меня, я следователь отдела убийств райотдела ГУВД. Этот телефон я обнаружил в записной книжке убитого, поэтому решил его набрать.

– Ваша фамилия, звание и должность? – поинтересовался мужчина. Сеницын назвал себя.

– Вам, старший лейтенант, перезвонят, – сообщили в трубке, и связь отключилась.

Через десять минут в кабинет влетела Тома Самойлова и взволнованно выпалила:

– Он тебя срочно хочет видеть. Сидит весь белый.

– Электрик? – переспросил на всякий случай Сеницын.

– Подполковник Грушин, Михаил Прохорович, – строго поправила Тома. Сеницын застегнул пиджак на все пуговицы и зашагал к начальству. Застать подполковника таким возбужденным и бледным мало кому из подчиненных удавалось. Грушин ждал его стоя в центре кабинета.

– Ты что, молокосос, себе позволяешь?! – закричал он, как только Сеницын ступил на порог.

– А что случилось, Михаил Прохорович? – Слава не знал, пугаться ему или нет. Никакой вины за собой он не чувствовал.

– И этот сопляк еще спрашивает?! все больше расходился начальник. – Ты побеспокоил такого человека, к которому я и сам побоялся бы подойти за версту.

– Никого я не беспокоил, – начиная смутно догадываться, откуда дует ветер, запротестовал Сеницын.

– Никого не беспокоил, говоришь? – Грушин бегом ринулся к своему столу, налил в стакан из графина воды и залпом его выпил. – Слушай и запоминай. Завтра явишься ко мне в восемь утра на ковер. Получишь мою машину вместе с Гошей. Вы прибудете на Кузнецкий мост ровно в девять тридцать. Поставите машину бампером к Выставочному залу и будете ждать.

– Чего ждать? – не понял Сеницын. – Не твое дело – чего и кого ждать. Ждать будете хоть до ночи. С места не двигайтесь. К вам подойдут. Когда подойдут, ты выйдешь из машины и задашь все свои дурацкие вопросы. Понял, сопляк?

– Не очень, – искренне ответил Слава.

– Ты, молокосос, слишком шустрый. Генералов ФСБ тебе подавай. Куда названивал? – устало заметил Грушин, внезапно сменив гнев на полное равнодушие.

– Я звонил по номеру, который нашел в книжке писателя, – наконец сообразив, что происходит, попробовал оправдаться старший лейтенант.

– Все, иди отсюда. И чтобы в Управлении я тебя сегодня не видел, – тихо приказал Грушин и повалился в кресло.

– Есть, товарищ подполковник, – козырнул Слава и быстро ретировался.

– Что ты натворил? – глядя круглыми глазами на него, поинтересовалась Тома.

– Позвонил по одному номеру, и все, – развел руками начинающий следователь и поехал домой.

Вера Сергеевна уже вернулась с дачи и, с тревогой вглядываясь в лицо сына, воскликнула:

– Пусик, почему ты не ел сырники на завтрак? Ты не ранен?

– Я их, мам, не видел, а бандитская пуля пролетела мимо... – отмахнулся Слава и поспешил в свою комнату. – Мама, я немного посплю, не доставай меня, если можешь, и к телефону, кроме Саши Лебедева и Лены, я ни к кому не подойду, – бросил он с порога, закрыл за собой дверь, взял текст романа Каребина и плюхнулся на тахту.

* * *

Вечером шестнадцатого декабря 1916 года кабинет известного деятеля Петрограда, секретаря «Общества поощрения искусств и изящной словесности», действительного статского советника его превосходительства Святослава Альфредовича Стерна трудно было узнать. В мерцающем свете канделябра на стенах колыхались знамена ордена розенкрейцеров, испещренные тайными знаками. На овальном столе карельской березы, также покрытого знаменем с изображением Розы и Креста, покоился магический меч. Его сталь зловеще поблескивала, отражая огоньки свечей. Возле стола, скрестив руки на груди, стояли хозяин кабинета Стерн,

князь Феликс Юсупов и известный петроградский врач-психиатр Константин Рябинин. Все трое в белых плащах до пят.

– Я пойду до конца, – торжественно заявил Юсупов и медленно опустил руки на клинок.

– Иди, брат, – промолвил Святослав Альфредович, также опуская руки и пристраивая левую ладонь на сталь меча.

– Пусть рыцарю в эту ночь Господь дарует львиное сердце, – добавил Рябинин и тоже опустил левую ладонь на меч.

– Да будет так, – почти шепотом проговорил Юсупов, накрывая левой ладонью руки Стерна и Рябинина.

После этого мужчины произнесли клятву ордена.

Тихо открылась дверь, и Алиса Николаевна, вся в белом, с кроваво-красной розой в волосах, внесла на серебряном подносе три бокала. Цвет вина в хрустале и цвет розы в волосах женщины не отличались. Женщина подошла к столу. Мужчины взяли по бокалу и подняли их.

– За наше братство! – произнес Стерн.

– Роза и крест, – ответили Рябинин и Юсупов.

И тут произошло невероятное. Мужчины опустили руки, а бокалы так и остались парить в воздухе. Сперва они застыли без движения, затем медленно поплыли друг к другу. Когда сосуды соединились, послышался звон хрустала и бокал Юсупова разлетелся на мелкие осколки. Вино кровавым ручейком потекло по мечу. Бокалы Стерна и Рябинина вернулись на свои места. Стерн и Константин Николаевич Рябинин взяли их, висящие в пространстве, и медленно выпили до дна.

– Ты сегодня совершишь подвиг, – с тайным значением произнесла супруга Стерна и перекрестила князя.

Юсупов поклонился, сбросил плащ ордена и направился к двери. Проходя мимо Алисы Николаевны, он шепнул:

– В Петрограде вам оставаться опасно. Если меня возьмут, у вашей семьи могут возникнуть неприятности.

– Стерн уже купил билеты. В одиннадцать мы отбываем в Карелию, – тоже шепотом ответила женщина.

– Хорошо, – кивнул Юсупов и быстро вышел.

Хозяин хотел вдогонку что-то ему сказать, но закашлялся и махнул рукой. Он еще не оправился от длительной болезни легких и страдал приступами сухого лающего кашля.

– Мой друг, ты еще очень болен, – покачала головой Алиса Николаевна и повернулась к доктору Рябину:

– Константин Николаевич, я очень боюсь за мужа.

Не вредна ли эта поездка для его здоровья?

– Петропавловская крепость для его здоровья может оказаться и вовсе погубительной. В Пахти свежий воздух и спокойная жизнь вернут ему здоровье.

– Тебе тоже не стоит оставаться в Петрограде, – предупредил Стерн Рябинина.

– Если я внезапно брошу практику, это покажется еще более подозрительным.

Свои отношения с князем я легко объясню: он мой пациент. У меня в Петрограде их столько, что я не в силах уследить, кто чего творит...

Простившись с Рябининым, по-христиански расцеловавшись и обнявшись, супруги Стерны принялись за сборы. Первым делом они убрали атрибуты ордена, и помещение скоро превратилось в обыкновенный кабинет петроградского вельможи.

Покончив с декорацией, занялись подготовкой к отъезду. Чемоданы они упаковали раньше, теперь оставалось собрать мелочи. Святослав Альфредович снял с груди берилловую звезду, убрал ее в полотняный мешочек. Туда же пристроил трубочкой свернутые ассигнации и всыпал горсть золотых червонцев. Мешочек Алиса Николаевна зашила в подкладку его пальто.

Стерн хотел отправить туда же золотой гравированный карманный брегет отца, но передумал и сунул его в карман. С Альфредом Федоровичем он простился вчера. Отец, не подозревая, какая опасность грозит сыну, ехать его отговаривал. Ему, несмотря на то что Альфред Федорович также состоял членом ордена розенкрейцеров, причем значительно дольше сына, решили не сообщать о готовящемся покушении на Григория Ефимовича Распутина.

Зачем старику знать о том, что через полчаса после отхода поезда в Карелию Юсупов в компании с Пуришкевичем и великим князем Димитрием прихлопнут великого придворного святошу?

– Пора будить мальчиков, – сказал Стерн жене и надел пальто.

В дверь постучали. Святослав Альфредович вздрогнул – он задумался и совсем забыл, что заранее заказал извозчика.

Заспанные сыновья Юлик и Ваня растерянно топтались в прихожей, безропотно давая себя облачить в стеганные пальтишки и закутать в теплые шарфы. На улице шел снег, редкие фонари тянули за пролеткой фантастические тени, и гулкое цоканье копыт эхом отдавалось в каменных колодцах петербургских дворов.

В вагоне не топили. Несколько лет войны разорили страну, и она как бы затаилась, экономя все, что могло продлить жизнь, – хлеб, дрова, соль.

Почему-то в военное лихолетье именно эти три незатейливые вещи мгновенно исчезают из обихода.

В полупустом вагоне пассажиры йахохлились, как воробьи, сберегая собственное тепло. Только молодой инвалид в форме корнета затеял карточную игру с дамами и временами неестественно громко смеялся. Этот смех в сонной тишине вагона напоминал бред душевнобольного. Наконец редкие фонари пригорода остались позади. Поезд окутала тьма, в которую паровозная труба зловеще выбрасывала искры из топки. Алиса Николасвна обняла сыновей, пытаясь их согреть мехом своей шиншилловой шубы, и задремала. Дети, так и не проснувшиеся за время поездки на извозчике, крепко спали. Святослав Альфредович откинул голову назад и укрылся пальто. Казалось, что он спит. Но Стерн думал.

К убийству Григория Ефимовича Распутина действительный тайный советник относился нейтрально. Конечно, будучи мистиком, он немного ревновал ясновидящего юродивого к императорской семье. Но эта ревность не переросла в ненависть. Место придворного лакея для амбициозного Стерна никогда не было страстной мечтой. Как секретарь «Общества поощрения искусств и изящной словесности» он и так был хорошо знаком с дочерьми императора и, при желании, мог гораздо чаще бывать в Зимнем. Нет, роль высокого слуги его не прельщала.

Осмысленная неприязнь к Распутину пришла раньше, когда мнимый святой организовал могущественный треугольник с тибетским доктором Бадмаевым и министром финансов Витте. Стерн к тому времени уже увлекся Востоком, и направленные действия Бадмаева, желавшего сделаться главным в восточной политике империи, его раздражали. Кроме того, он не был тогда уверен, что присоединение Тибета к владениям русского царя входит в его личные планы. С младенчества впитав мистическое отношение к миру, Святослав Альфредович очень серьезно относился к своему предназначению. Он знал, что станет Вла-Дыкой Тибета и Всемирным Учителем. Это знание пришло к нему десять лет назад, когда тяжелобольной отец, думая, что умирает, передал сыну граненый камень горного хрусталя с магическими письменами на месте среза. В письменах, по мнению отца, говорилось, что владелец камня получает силу Царя Тибета. Но для того чтобы стать духовным вождем Тибета, а через Тибет и всего мира, необходимо иметь вторую половину этого камня.

Магический горный хрусталь Стерн всегда носил с собой, боясь остаться без него даже на час. С камнем он не расставался ни днем, ни ночью. Что камень имеет магическую силу, тайный советник поверил сразу, но до конца убедился в этом спустя год, после того, как стал его владельцем. Отец его, оправившись после тяжелой болезни, о камне больше никогда не

говорил. Стерн носил камень на груди в маленьком бархатном мешочке на крепком шелковом шнурке, вместе с цепочкой и маленьким крестиком, полученным во младенчестве при крещении. В первые дни, когда Святослав Альфредович ходил с камнем и крестом, у него сильно болела грудь. Стерн не был здоровяком от рождения. Врожденную хилость он компенсировал закалкой и зверским пренебрежением к собственной немощи. С юности став заядлым охотником, в дождь и снег совершал многодневные лесные походы и победил собственный организм, болезнь отступила. Нет, появившаяся тогда боль в груди не являлась следствием прошлых недугов, это была совершенно новая и непривычная боль. Святослав снял с груди шнурок с бархатным мешочком; Боль мгновенно прошла. Но носить камень в кармане Стерн опасался. Он все время боялся его потерять, боялся воровства и чувствовал себя некомфортно. Тогда он нацепил мешочек обратно на шею. Боль не заставила себя ждать. Святослав подумал и снял крестик. Боль вновь мгновенно исчезла. Стерн вздохнул с облегчением и убрал крестик в ящик письменного стола. Вспомнив теперь об этом, тайный советник понял, что крестик так там и лежит. Собираясь в дорогу, он о нем забыл совершенно. «Это знак свыше. Христианство осталось в России, а мы входим в иную фазу», – подумал мистик, по привычке воспринимая свою персону во множественном числе.

Магические свойства горного хрусталя снова проявились через год. В тот день молодой Святослав прогуливался по Невскому, оживленно беседуя со Стасовым.

Они только что обошли залы «Передвижной» и горячо обсуждали картину Ге «Христос в пустыне». Навстречу им шел пожилой, великолепно одетый, седой господин, правда, кроме седины, его возраст ничего не выдавало. Еле заметный намек на присутствие восточной крови заинтересовал Святослава Альфредовича – он тогда по моде времени увлекся Востоком. Но основное внимание Стерна привлек спутник седовласого прохожего. Святослав тогда сразу понял, что перед ним отец и сын, хотя прямого сходства между ними не наблюдалось. Молодой человек с вьющимися иссиня-черными волосами и пушком над верхней губой завораживал взглядом огромных миндалевидных глаз. Их бархатная тьма притягивала и пугала. Святослав перестал слышать, что говорит ему великий старец, он не отрываясь смотрел на юношу. А тот и не думал отводить взгляда. Стерну показалось, что юный прохожий внимательно и строго изучает его. Стасов, не обращая внимания на рассеянность своего собеседника, громко продолжал дискуссию, помогая себе решительными жестами. Когда заинтересовавшая Стерна пара осталась позади, Святослав Альфредович отметил на груди сильный жар. Он незаметно просунул руку за пазуху и, нащупав бархатный мешочек, обжег пальцы. Так нагрелся магический хрусталь.

Через неделю после описанной встречи Стерн заглянул в юридическую контору отца. Молодой человек ждал приятеля, который попросил консультации у Альфреда Федоровича по вопросу, связанному с наследством. Стерн-старший был занят беседой с очередным клиентом. Приятель запаздывал, и Святослав оказался в приемной один. Он стоял у окна и любовался городским пейзажем. Из конторы отца открывался прекрасный вид на Неву и Адмиралтейство. Внезапно на груди потеплело. Волна тепла быстро росла, превращаясь в нестерпимый жар. Он снял с груди бархатный мешочек и зажал его в ладони. Казалось, что его ладонь сжимает горящий уголек. Святослав взглянул вниз на набережную. Глянул и попятился. Он узнал пару, встреченную им на Невском. Старик и юноша остановились на тротуаре и пристально смотрели в окно, за которым прятался дрожащий от необъяснимого волнения Стерн. Дождавшись, когда отец освободился, он ворвался к нему в кабинет и рассказал о странном поведении магического хрусталя при встрече с незнакомцами.

– У них второй камень. Отыщи этих людей и выкупи его. Дай им все, что они попросят. Я найду средства. Имея два камня, мы сможем править миром.

Святослав выбежал на улицу, но старик и юноша исчезли. Несколько недель он бродил по городу в надежде их встретить, но так больше и не увидел.

Поезд замедлил ход, погремел на стыках и со скрежетом остановился. Тайный советник отодвинул занавеску и, отогрев ладонью заledenевшее стекло, посмотрел на улицу. Станции за окном не оказалось. Поезд совершил остановку в глухом лесу, и только свет из вагона бросал на снег железнодорожной насыпи светлые блики. Внезапно дверь в тамбур распахнулась, и в вагон вошли трое жандармов.

Двое с фонариками двигались по проходу, освещая лица пассажиров. Третий следовал за ними, держа руку в подозрительно оттопыренном кармане.

Святослав Альфредович побледнел. Он мысленно отсчитал время, проведенное в дороге, и понял, что убийство Распутина могло свершиться минут сорок назад.

Если представить, что заговорщиков взяли на месте и по телеграфу пошла морзянка, то появление жандармов в поезде грозит бедой.

Лучи фонарика скользнули по лицам спящих сыновей, осветили породистый профиль супруги – черты рода Вигов проступали на лице спящей женщины царственным покоем, оставались на бледной маске Стерна. Святослав Альфредович приоткрыл глаза и снова зажмурился. Свет двух жандармских фонарей неприятно слепил.

– Можно поглядеть ваши документики? – спросил третий сопровождающий.

Стерн полез во внутренний карман жилета и извлек паспорт. Подавая его блюстителю порядка, он с трудом погасил дрожь в руке.

Лучи фонариков освободили глаза Стерна и вцепились в раскрытый жандармом документ.

– Извините, ваше превосходительство, – заискивающе проговорил страж и с деланной улыбкой возвратил документ. – В этом поезде ограблен банковский инкассатор, и мы ищем грабителей. Не обессудьте, служба.

Стерн кивнул и, глядя вслед удаляющимся жандармам, вновь откинул голову.

Собственно, чего он так боится? Ведь он в подготовке убийства участия не принимал. При чем тут художник Стерн? Однако Святослав Альфредович окончил не только Академию художеств. Его университетское образование венчал диплом юриста. Кроме того, с детства взрастая рядом с юридической конторой отца, он прекрасно разбирался в законах. Участия в подготовке убийства он и впрямь не принимал, но был в курсе нее. А по закону человек, знающий о готовящемся преступлении и умолчавший об этом, становится соучастником. И это действительный статский советник Святослав Альфредович Стерн знал досконально.

– Нас кто-то спрашивал? – поинтересовалась Алиса Николасвна в полусне.

– Спите, мой друг. Простая проверка документов, – безразличным тоном ответил Стерн.

Супруга успокоилась и вновь погрузилась в дрему. Паровоз издал глухой надрывный гудок и, дернув вагоны, потянул состав.

Инвалид-корнет после жандармского обхода уgomонился. Его дурацкий смех больше не мешал воспоминаниям. Пришло на ум детство.

Еще совсем младенцем, на курляндском курорте Хаапсалу, его впервые коснулась мистическая рука судьбы. Он прекрасно помнил отъезд в Курляндию из родового имения Ижоры. Карета, запряженная четверкой гнедых, весело бежала по северным полям и перелескам. Прозрачные глубокие озера и сосновый бор с мягким ковром изумрудных мхов манили сказочным покоем. Маленькому Стерну все время хотелось, чтобы карета наконец остановилась и он мог потрогать то, что видит глазами, обнаружить в прозрачной глубине озер тихое движение диковинных рыб, подглядеть за тайной жизнью лесных зверей. Но карета продолжала свой бег, и ребенок сладко засыпал. Помнил он и крепость Ивангорода. И тот жуткий случай, когда они обходили мрачные крепостные стены и мама, молодая и красивая, вдруг закричала, показывая на башню:

«Глядите, там царь Иван! С топором! На топоре кровь!» Ей сделалось дурно. Отец мочил платок и прикладывал к ее вискам. А с башни крепости спустился пожилой монах с реденькой

седой бородкой, так напугавший маму. Спустившись и не глядя на них, старец перекрестился и быстро зашагал прочь.

Сам курорт Хаапсалу Стерн почти не помнил. Лишь длинный белесый пляж, на который накатывали светлые волны Балтики и множество водорослей у самой кромки моря. Однажды, когда они гуляли по прибрежным пескам, на море сели лебеди.

Казалось, что белые пушистые поплавки заполнили всю морскую даль. Отдыхающие ходили глядеть на лебедей, а маленький Святослав даже плакал, когда его пытались увести домой, отрывая от удивительного зрелища. Он и сейчас, полулежа с закрытыми глазами, видел эту картину, словно наблюдал ее вчера. Нельзя было отвести взгляда от величавых птиц, которые, парусом распустив крылья, то быстро перемещались по воде, то вдруг переворачивались вниз головой, оставляя на поверхности одни хвосты. Десятки, сотни торчащих лебединых хвостиков очень смешили ребенка. Святослав Альбертович непроизвольно скривил губы в улыбку.

Но главным и самым сильным впечатлением детства, возможно отложившим отпечаток на всю дальнейшую жизнь великого Учителя, стал ночной поход в замок Белой Дамы. По преданию, злой и коварный настоятель монастыря, разгневанный любовной интригой своего молодого монаха с юной прихожанкой, казнил юношу, а девушку замуровал в стене рыцарского замка. И с тех пор раз в год, в одну из летних ночей, Белая Дама выходит из стены. Видение нашло скучное объяснение у ученых рационалистов: в определенный час ночи, только раз в году, восходящая луна бросает свой отсвет в бойницу замка. Этот отсвет и порождает видение. Чета Стернов отправилась наблюдать это явление вместе с маленьким сыном. Что там видели взрослые, Святослав не знал и знать не хотел. Он стоял, окаменев, с широко открытыми глазами, и видел, как из стены вышла прекрасная белая девушка.

Она была полупрозрачна, и ее светлые одежды тоже были полупрозрачны.

Она была живая. Ее прекрасные глаза мерцали. Проходя мимо мальчика, она будто приостановилась, и ребенок услышал тихую речь, которая напоминала журчание ручейка и была обращена только к нему:

– Я знаю тебя, малыш. Ты видишь больше других, потому что умеешь смотреть.

Будь счастлив.

И белая девушка скрылась. Святослав не слышал, что говорили между собой родители, возвращаясь после ночного развлечения домой. Он запомнил Белую Даму на всю жизнь. Став взрослым, изучив тайные науки, усвоив множество знаков потустороннего мира, Стерн не раз вызывал на спиритических сеансах образ Белой Дамы, и она являлась к нему.

Только одному человеку поведал он о своей тайной привязанности. Этим человеком стал Александр Блок. Поэт почти год посещал сеансы на Фонтанке и даже вступил в орден «Роза и крест». Но после того как Стерн поведал ему о своих встречах с призраком хаапсалуской барышни, бывать у них перестал. И уж никому на свете Святослав Альфредович не рассказал, что его любовь Алиса Николасвна при первой же встрече поразила его необычайным сходством с образом Белой Дамы.

А однажды, когда после свадьбы они остались одни в еще не обставленной квартире на Фонтанке, молодая жена вечером подошла к окну. Стерн сидел возле свечи в кресле. Внезапно свеча погасла, и Святослав Альфредович вместо своей супруги увидел у окна знакомый призрак. Видение длилось несколько мгновений, затем женщина вскрикнула и, опустившись на колени, замерла. Дрожащими руками он зажег электричество, бросился к жене. У Алисы Николасвны случился припадок. Молодая женщина страдала странной, не изученной современной медициной болезнью. Она окаменела и не могла пошевелить даже пальцем. Первый раз Стерн попытался поднять ее с колен и перенести в постель. Но Алиса Николасвна превратилась в онемевшую статую и на постели продолжала находиться в той же коленопреклоненной позе. Разогнуть колени жены Святослав Альфредович не смог. Но во время таких припадков

на Алису Николасвну нисходило озарение. Она могла предсказать события будущего. И тогда, стоя у окна на коленях, женщина посмотрела на мужа невидящими глазами и заговорила не своим голосом: «Слушай меня во всем. Он глаголит с тобой моими устами. Ты будешь Царем Мира. Он укажет мне знаки, а я эти знаки передам тебе».

Тот голос взволновал Стерна до глубины души – этот журчащий ручеек он помнил с детства. Это был голос Белой Дамы из хаапсалуского замка. С тех пор Святослав Альфредович относился к жене с мистическим восторгом. Он ждал ее тайных приказов, но того журчащего ручейка из ее уст больше не дождался.

«Значит, еще не время», – решил он.

Кондуктор объявил о скорой остановке. Поезд подходил к их станции. Стерн разбудил жену. Мальчиков тревожить не стали. На станции о приезде петербургской четы были предупреждены телеграфом. Их ждал возок, запряженный коренастой финской кобылкой. Возница помог с чемоданами, Стерн нес на руках спящих детей.

По времени давно наступило утро, но поздний зимний рассвет был еще далеко.

Стерны уселись в сани, и кобылка побежала мерной, неторопливой рысцой. Тут, в маленьком финском местечке, никто никуда не спешил и все делалось спокойно, обстоятельно.

На берегу залива, где Стерны арендовали дом, тишину нарушали только крики чаек. Мол из валунов, дощатая пристань, мачты рыбацких парусников, в центре магазинчик с малюсеньким баром, почта да маяк на утесе – вот и весь мирок городка Пахти. За символическую для петербургского вельможи цену Стернам сдали в аренду небольшой домик. В нем были гостиная с печью, обложенной кафелем, комнатка-кабинет, спальня, детская для мальчиков и кухня-столовая. После родового помещичьего дома в Ижорах и огромной барской квартиры на Фонтанке финский домик казался игрушечным, но в его окнах синело море.

– Какое восхитительное место! Здесь ты напишешь книгу, которая затмит Библию. Народы земли нуждаются в современной мессии, и ты им станешь, – глядя горящими глазами на мужа, предрекла Алиса Николасвна.

Стерн поцеловал жене руку, не раздеваясь прошел в гостиную и прислонился к горячим изразцам недавно натопленной печи. Борясь с приступом кашля, он расстегнул жилет и потрогал бархатный мешочек с магическим камнем. Камень покоился на месте, сквозь бархатную ткань футляра пальцы почувствовали жесткие грани горного хрусталя.

К вечеру им принесли утренние петербургские газеты. На первых страницах сообщалось о зверском убийстве придворного пророка Григория Ефимовича Распутина. Его тело нашли в проруби Невы.

* * *

– Пусик, ты спишь? – Вера Сергеевна осторожно заглянула в комнату сына.

Слава лежал на тахте, откинув голову, и сладко посапывал. На полу и на кресле возле него веером рассыпались листки с печатным текстом. Вера Сергеевна осторожно отодвинула их и присела на краешек тахты:

– Пусик, к тебе, пришли.

Синицын открыл глаза и ошалело оглядел комнату.

– Ма, я же просил меня не доставать... – проворчал он, сообразив, что рядом его родительница.

– Пусик, но к тебе пришли, повторила Вера Сергеевна.

– Кто там еще, мам?

– Очень привлекательная девушка, – улыбнулась Вера Сергеевна.

– Ленка, что ли? – предположил Слава и присел.

– Ну, Пусик, Лена бы сейчас тут сама тебя разбудила бы. А эту красавицу я вижу в нашем доме впервые.

– Хорошо, я сейчас выйду, – смиростивился Синицын и, протирая глаза, встал на ноги.

– Ты бы хоть причесался. Девушка красивая, – посоветовала Вера Сергеевна.

Матери явно не хотелось, чтобы гостя увидела ее бравого сына взлохмаченным и заспанным.

– Ладно, мам, ты ее отвлеки, а я схожу морду ополосну, – попросил Слава.

Грубые выражения Вера Сергеевна не любила, поэтому слово «морда» ее покорило, но она промолчала и отправилась отвлекать гостя. Через несколько минут Слава, умытый и причесанный, вышел в гостиную и увидел Машу Баранову. В первый момент он онемел. Старший лейтенант привык делить служебную и личную жизнь и, увидев вдову убитого в качестве живого человека в собственном доме, растерялся.

– Простите меня, Вячеслав Валерьевич, но мне необходима помощь, а кроме вас, мне обратиться не к кому, – печально глядя на Синицына, проговорила Маша.

Причем голос ее звучал монотонно и никаких человеческих красок в нем Славе услышать не удалось.

– Как же вы меня нашли? До конца следствия я не имею права на личные контакты с лицами, фигурирующими в деле, – отходя от неожиданного визита, предупредил Синицын.

– Вы мне сами дали карточку, на случай если чего вспомню, вот я вас и нашла, – невозмутимо пояснила Баранова.

– Может быть, Пусик, ты мне представишь свою знакомую? – обиделась Вера Сергеевна.

– Конечно, мам. Только не называй меня в присутствии посторонних Пусиком, – покривился сын.

– Извини, Пусик, больше не буду, – пообещала Вера Сергеевна.

Слава махнул рукой и познакомил женщин. Узнав, что перед ней вдова писателя, Вера Сергеевна смахнула слезу:

– Какое у вас страшное горе. Давайте я вас хоть чаем угощу, – и она побежала на кухню.

– Присаживайтесь, Маша. Не обращайтесь внимания на маму. Она у меня нормальная, но никак ни может понять, что я уже взрослый.

Маша кивнула и спокойно села за стол.

– Я вас слушаю, – ободрил гостью Слава и уселся напротив:

– Вы чего-нибудь вспомнили?

– Нет. Ничего не вспомнила, – невозмутимо сообщила Маша.

– Тогда зачем вы здесь?

– Вы просили сообщать обо всем, возникающем из прежней жизни мужа.

– Да, просил, – подтвердил Слава.

– Мне позвонил человек и потребовал пьесу Олежки. Он говорил, что деньги за пьесу театр уже выплатил и им нужен текст. Я не знаю ни о какой пьесе. – Молодая вдова часто заморгала и поглядела на Славу так, будто пьесу требовал он.

– Что за человек? – насторожился Синицын.

– Не знаю. Сказал, что режиссер. – По лицу молодой женщины было видно, что она и впрямь огорчена и ничего понять не может.

– Как же вы жили? Муж работал дома на ваших глазах, а вы ничего о нем не знаете, – удивился Синицын.

– Олежке так нравилось. Он не любил отвечать на вопросы. Его устраивало, что я молчала и его дел не касалась. Он часто повторял, что я удивительная женщина, потому что умею молчать... – И следователь увидел на глазах вдовы слезы. «Оказывается, не все так просто в Датском королевстве. Я-то считал Машу просто круглой идиоткой», – подумал он.

– Хорошо, постараюсь выяснить, кто вам звонил, и разобраться с этим вопросом, – пообещал Сеницын.

Проводив Баранову до дверей, Слава поглядел на часы и понял, что времени до закрытия банка достаточно. Ведь начальник отправил его домой утром, и сейчас всего половина третьего. Он быстро надел пиджак и крикнул матери, что уходит.

– Пусик, а как же чай? Я же хотела вас с Машей чаем напоить, – огорчилась Вера Сергеевна.

– В другой раз, мам, – отозвался Слава и выбежал на лестницу. В банке Сеницына уже знали, и директор распорядился распечатать милиционеру все манипуляции со счетом Карябина.

– Вы будете иметь это у себя и сможете удовлетворить свои потребности на рабочем месте, – усмехнулся банкир. Частые визиты следователя удовольствия ему не доставляли.

Но сегодня Слава на работу возвращаться не собирался, да и разобраться со специфическими записями финансистов самостоятельно не мог.

– Виталий Федорович, – прочитав бирку с именем на лацкане пиджака банкира, обратился к нему старший лейтенант. – Ваш клиент Карябин работал с двумя издательствами. Они и переводили гонорары на его счет. Посмотрите, пожалуйста, нет ли тут суммы, пришедшей из другого источника. Я интересуюсь театром, поскольку имею сведения, что Олег Иванович недавно получил гонорар за пьесу.

– Театр мог выдать ему наличкой, – заметил банкир, но бумаги из рук следователя взял и внимательно их исследовал.

Славе повезло. На валютный счет писателя недавно поступила сумма в полторы тысячи долларов. А поскольку его исторические романы оценивались в четыре раза больше, можно было предположить, что это и есть гонорар за пьесу. Зная счет отправителя, выяснить его координаты было делом техники. Через сорок минут Сеницын узнал юридический адрес отправителя валюты. Он хоть и вел крупное дело самостоятельно впервые, но перед этим уже успел два года поработать в команде опытного специалиста, поэтому догадывался, что юридический адрес учреждения может вовсе не совпадать с реальным. Множество фирм, работающих в столице, регистрировалось не в Москве. Иногда это было на другом конце света, аж у Тихого океана. Но сегодня молодому следователю опять повезло. Адрес юридический на Бакунинской улице совпал с реальным и принадлежал именно театру.

И хоть самого режиссера Слава в здании не застал, он выяснил его фамилию и, показав охранникам свое удостоверение, получил мобильный номер его телефона.

Шагая к метро, старший лейтенант почувствовал, что наконец полоса тотального невезения в деле убитого писателя немного поослабла. Он предположил, что текст пьесы, за которую покойный уже получил гонорар, должен быть в его компьютере.

Эта мысль его забеспокоила, поэтому вместо того, чтобы ехать домой, он отправился в Гороховский переулок. Перед знакомым парадным Слава заметил «уазик» Управления. В машине сидел сержант Ваня Турин. Сеницын кивнул водителю и быстро вошел в дом. Интуиция подсказывала ему, что приезд коллег связан с квартирой Карябина, и не ошибся. Дверь в нее была открытой, а первый, кого заметил в квартире Слава, был Лебедев.

– Что с Машей? – с порога крикнул он, но тут увидел вдову и успокоился.

Маша сидела как обычно за столом и терпеливо ждала, пока Саша Лебедев и криминалист Антюков возились со столом покойного писателя. Рядом в кресле сидела женщина лет сорока пяти, очень похожая на молодую вдову. С матерью Маши, Тиной Андреевной, Сеницын уже встречался и потому подошел к ней поздороваться.

– Я хочу забрать девочку к себе, – сказала она, сухо кивнув следователю.

Слава задумался, как на это реагировать, но его отвлек Лебедев.

– Как хорошо, что ты появился, – обрадовался он. – Тебя искали, но не нашли. Тогда Электрик послал меня, а у меня своих забот полный рот. Дело писателя поручено тебе, вот и принимай новый эпизод.

– Что здесь произошло? – Слава оглядел квартиру, но ничего особенного не обнаружил.

– Иди сюда, следопыт, – позвал его Лебедев и ткнул в компьютер.

Корпус процессора был зверски искорежен. Ящики стола и книжного шкафа раскрыты, и все их содержимое валялось на полу.

– Пока Марии Сергеевны не было дома, кто-то выбил стекло балконной двери и изуродовал компьютер, – пояснил Антюков. – Вот ищу пальчики.

– Ничего из квартиры не пропало? – Слава подошел к вдове и потрогал ее за плечо.

Маша вздрогнула, и он повторил ей свой вопрос.

– Ничего не пропало. Испортили компьютер и перевернули вверх дном все ящики, – ответила за Машу Тина Андреевна. – Так я заберу девочку? Надеюсь, специального разрешения на это не надо?

– Это ваше право. – Синицыну было странно, что мать Маши обращается к нему по семейному вопросу. Где жить вдове, он указывать не мог.

– Только боюсь, что дом вообще растащат. На нашу милицию надежды мало, – проворчала Баранова-старшая.

– Мы можем опечатать квартиру на время следствия, – предложил Лебедев.

– А вы не хотите у меня пожить? – тихо спросила Маша у Синицына.

– Наверное, это не положено... – растерялся Слава.

– Почему не положено? Вы же будете охранять дом, – удивилась вдова.

– Вообще-то следователь на это не имеет права. – Лебедев почесал в затылке и подмигнул Синицыну. – Но если он решит организовать засаду и подежурить в смену с другими сотрудниками, тогда другое дело. Но на такую операцию требуется разрешение начальства.

– Пока не помешало бы починить дверь и вставить стекло, – вмешалась Тина Андреевна. – Кто будет этим заниматься? Мы обе женщины и слесарить не умеем.

– Выйдем поговорим, – тихо предложил Лебедев Славе. Они вышли на балкон.

Саша тут же достал сигарету и жадно затянулся:

– Тебе не кажется, что этот визит совершил убийца? Парень он смелый. Тут балконы друг от друга не близко.

Башкой рисковал.

– Да, крутой альпинист, – глянув вниз, присвистнул Слава.

– Что они тут ищут?

– То, что они искали, находилось в компьютере, – предположил Синицын.

– Или на дискетах. Скорее всего, писатель скидывал текст на дискеты, чтобы подстраховаться. С компьютером происходят иногда сбои, и он все стирает из памяти.

Отпечатки пальцев на стекле книжного шкафа и осколках балконной двери обнаружить удалось быстро. Капитану это показалось странным.

– Профессионал без перчаток за стекло не взялся бы.

– Да, чудно, – согласился Слава.

– Принимай предложение девицы и поторчи тут пару ночей. Если ты затаишься и будешь сидеть тихо, они могут появиться вновь. – Лебедев затушил сигарету и пихнул Славу пальцем в живот. – Решайся.

– Мне надо съездить домой, предупредить маму и забрать из дома роман Каребина. Буду дежурить и читать.

– Валяй. Мы с Антюковым пока доработаем квартиру и разберемся со стеклами, а ты садись в «уазик» и дуй домой.

– Завтра я должен в восемь утра быть в кабинете Грушина, – предупредил старший лейтенант и, игнорируя лифт, побежал вниз пешком.

– Утром я тебя подменю, пока ты не пригонишь стажера, – крикнул вслед ему Лебедев.

Ваня Турин умел ездить по Москве. Через час они уже вернулись. Машу Баранову и ее родительницу Слава в квартире не застал. Женщины уехали.

Дожидаясь, когда местный слесарь закончит возню с балконом, Лебедев с криминалистом курили на кухне. Наконец рабочий с дверью управился и, выдав милиционерам квитанцию для росписи, молча удалился. На бутылку, имея дело с властью, рассчитывать не приходилось.

– Принимай пост, старший лейтенант. Все, что есть в холодильнике, тебе разрешено брать и жрать. Света в квартире не зажигай, окна не открывай и сиди тихо, проинструктировал Лебедев. – Оружие взял?

– Взял.

– Тогда все. – И Лебедев, ткнув Славе пальцем в живот на прощание, подтолкнул Антюкова к выходу.

Заперев за коллегами дверь, старший лейтенант прошелся по комнатам. За окнами темнело, и в квартире стоял полумрак. Синицын произвел обход помещений и уселся за письменный стол убитого хозяина. Он попытался представить себя писателем Олегом Каребиным. Что это за профессия? Человек сидит за письменным столом, а у него в голове собрание сочинений? Слава прикрыл глаза и попробовал вызвать зрительные образы героев романа, несколько глав которого уже успел прочитать. Но ничего из прочитанного не увидел. Почему-то стоило лишь зажмуриться, как перед ним возникала совсем другая картина. Он обозревал пустынный город, по улицам которого изредка проносились допотопные открытые автомобили. Холодная черная вода отражала горбатые мостики, очень знакомые Славе. «Это же Питер», догадался молодой человек и поехал – так неуютно и тревожно выглядел этот город. Тогда Синицын вынул из кейса напечатанный на принтере роман, пошел с ним в ванную и, усевшись на табуретку, открыл новую главу. Начал читать и вздрогнул.

* * *

Холодной и дождливой осенью 1918 года в Петрограде часто стреляли, а по пустынным улицам громыкали грузовики с вооруженными людьми. Редкие прохожие, слышав гул мотора, прятались в подъезды и подворотни. Зловещие грузовые авто сновали по городу, развозя отряды чекистов. Горожан, заподозренных в антипатии к Советам, расстреливали без суда и следствия. После убийства Урицкого большевики объявили красный террор. Образованных и состоятельных людей брали в заложники, которых затем расстреливали сотнями. Человек в кожанке с маузером вызывал ужас. Под видом чекистов пьяные матросы и солдатня грабили горожан.

Казалось, что Питер дрожит от страха.

Поэтому старый яблоневый сад с сочными красновато-оранжевыми плодами, застывший в покое и величии на окраине города, выглядел неестественной декорацией. Сад находился на Ярославском проспекте и в своих глубинах прятал небольшой дворянский домик. Выстроенный в середине девятнадцатого века в модном тогда ампирином стиле с колоннадой на фасаде и светлой охрой стен, он как бы не заметил страшных событий, захлестнувших начало двадцатого столетия.

В гостиной и двух кабинетах, обставленных старинной мебелью, ничего не менялось много лет. Типичное жилье не слишком богатого русского барина. И лишь мансарда с потайной лестницей вовсе не походила на европейское жилище. Низкая мебель, ширмы и ковры, коллекция восточного оружия и огромная библиотека с книгами на тибетском, китайском и

фарси говорили о необычных пристрастиях владельца. Над софой, покрытой персидским ковром, в рамке тисненной кожи висела миниатюра с изображением прекрасной девушки. Бархат ее бездонных глаз притягивал и завораживал. Других фото или картин в мансарде не было.

Хозяин дома, седой смугловатый мужчина с чуть раскосыми глазами и белым клинышком бородки, прогуливался по саду. Сабсан Карамжанов ждал сына. Тимур обещал вернуться днем, и отец был взволнован его отсутствием. Сабсан обучил Тимура искусству единоборства, и тот мог за себя постоять. Но этой осенью жилось слишком беспокойно, а сын еще не научился ярости.

Хмурые низкие облака быстро неслись над яблонями, иногда раскрывая небольшие просветы, и в них на миг пробивалось заходящее солнце. По проспекту прогремел грузовик и остановился у соседнего дома. Сабсан подошел к забору и стал глядеть через прутья на узорчатые ворота соседского особняка. Там жил заводчик Филиппов с юной дочкой, к которой его сын питал нежные чувства.

У Федора Филиппова, как и у Сабсана, жена умерла при родах. Верочка Филиппова и его Тимур живых матерей не видели. Это обстоятельство, вместе с тревогой революционного времени, соседей сблизило. Если раньше миллионер-заводчик высокомерно поглядывал на странного обитателя маленького ампира дома, то теперь, после конфискации заводов, он стал гораздо скромнее.

Да и шумные сборища, раньше случавшиеся у заводчика чуть ли не каждый день, давно прекратились.

Ворота соседского сада раскрылись, и люди в кожанках с винтовками и наганами побежали к крыльцу. Послышался громкий стук. Это прибывшие прикладами винтовок лупили в парадное. Не дожидаясь хозяина, они выломали дверь и ворвались в дом. Не прошло и пяти минут, как Филиппова выволокли на улицу в одной рубашке и поставили к дереву. Сабсан видел лицо соседа, оно не выражало ни ужаса, ни мольбы.

– Что вылупился, гад, буржуй? – с ненавистью заорал один из чекистов.

– Хамы, – спокойно бросил Филиппов и отвернулся.

Прогремел залп, и заводчик, прислонясь спиной к стволу, сполз на землю.

Затем из парадного вывели немолодую женщину. Сабсан знал, что это Глафира, няня Верочки Филипповой. Глафиру стрелять не стали, а прикладом выгнали на улицу.

Женщина рвалась назад, но один из солдат грязно ее обругал и пальнул вверх.

Женщина подхватила длинную юбку и побежала. Через минуту в доме послышался истерический женский крик. Стрелявшие в Филиппова вернулись в дом. Крик не смолкал. Сабсан напрягся, словно кошка, прыгнул на забор и через секунду оказался возле парадного. Двоих часовых в прихожей он уложил ударом ладоней. Те повалились, как мешки, не издав ни звука.

Взбежав по широкой мраморной лестнице, он увидел, как в гостиной на полу трое в кожанках сваливали в раскрытую скатерть все ценное, что им попадалось на глаза. Женский крик доносился из внутренних комнат. Сабсан с лету ногой уложил одного, из тех, кто занимался грабежом в гостиной. Второй метнулся к винтовке, но не успел: гур прошелся колесом и достал его носком в живот. Третий с криком бросился внутрь дома. Его Сабсан настиг у самых дверей спальни. Отрубив бегущего ударом в затылок, он влетел в спальню и увидел, как трое в кожанках сдирают с Веры юбку. Остальная одежда девушки валялась на полу спальни. Сабсан сперва не заметил четвертого. Тот, видимо главный в этой компании, стягивал в углу с себя кожаные портки.

Запутавшись в штанинах, он не сумел сразу выхватить маузер, и Сабсан успел сделать свой молниеносный выпад. Трех насильников он уложил в несколько приемов и, обессиленный, сам рухнул на паркет спальни. «Стар стал», – подумал гур и, немного отдышавшись, обратился к девушке:

– Надо ухаживать, дочка.

Веру душили рыдания, но она кивнула и со стоном поднялась. Сабсан восстановил дыхание, встал и, подойдя к лежащему со спущенными штанами начальнику, вынул из его кармана сложенный вчетверо листок, развернул и прочел:

«Старший уполномоченный ОГПУ тов. Козелков».

Всхлипывая и смущаясь своей наготы, Вера начала одеваться. Разбросанные по гостинной гэтаушники признаков жизни не подавали. Вера кое-как справилась со своим туалетом. Сабсан взял ее за руку и повел к мраморной лестнице, но, услышав внизу шум, остановился. В парадное ввалилась новая группа чекистов и с порога открыла огонь.

– Где второй выход? – спросил Сабсан у Веры.

Та от страха и обиды не могла вымолвить ни слова, лишь показала рукой.

Маленькая лестница из каморки прислуги спускалась вниз. Через узкую дверь они попали в кладовую. Из нее черный ход вел в сад позади дома. Здесь заводчику сгружали продукты для кухни.

– Беги к забору. В углу небольшая щель, ты пролезешь. У тебя есть поблизости кто-нибудь из знакомых?

– Няня, – прошептала Вера, не переставая всхлипывать.

– Отправляйся к ней.

Девушка кивнула и исчезла в саду. В доме раздавались топот и стрельба.

Сабсан поднялся назад по узкой лестнице и вышел в коридор. На него наставили винтовки. Кто-то из чекистов ударил по голове сзади. Сабсан упал и отключился.

Сколько пробыл без памяти, он не знал. Когда очнулся, понял, что его куда-то волокут. Чуть приоткрыв глаза, стараясь не показать, что пришел в сознание, огляделся. Его волокли по длинному серому коридору. У двери движение приостановилось. Сабсана поставили на ноги. Перед тем как войти, постучали.

Пленник успел прочитать надпись на табличке «Начальник петроградского ВЧК Бокий Глеб Иванович». Затем дверь открылась, Сабсана впахнули в большой, освещенный электричеством кабинет и посадили на стул.

– Свободны, – услышал задержанный приятный интеллигентный баритон и открыл глаза.

За огромным письменным столом стоял поджарый мужчина и пристально его разглядывал.

– Вот ты какой. Взвод раскидал... – как бы сам себе сообщил хозяин кабинета и подошел к задержанному:

– Сколько тебе лет?

– Шестой десяток через неделю хотел завершить, – ответил Сабсан и увидел, как в карих глазах начальника сперва замелькали веселые искорки, а потом он залился таким заразительным и простодушным смехом, что и гур не смог сдержать улыбки.

В этот момент дверь в кабинет распахнулась, и глаза удивленного часового чуть не выскочили из орбит. Он никогда не видел грозного Глеба Бокия в таком странном состоянии. Начальник корчился от смеха, а заметив реакцию часового, чуть и вовсе не упал. Он с трудом махнул подчиненному, чтобы тот закрыл за собой дверь. Придя в себя, Глеб Иванович вернулся за свой рабочий стол, внезапно посерьезнев, достал из кармана платок, протер глаза и, продолжая разглядывать «гостя», спросил:

– Где тебя так научили драться?

– В детстве. Я рос в Китае, в городе Лан-Джоу-Фу. Приемный отец обучил меня защите.

– Защите, говоришь?! – снова рассмеялся Бокий, но, быстро справившись со смехом, продолжил:

– Ты раскидал взвод вооруженных чекистов. Они вовсе не ягнята. Почему ты напал на наших?

– Они насиловали ребенка, – ответил Сабсан.

- Не ребенка, а буржуйку, – бросил Глеб Иванович, и в его голосе появился металл.
- Ребенок есть ребенок. А у кого родиться, мы не выбираем, – тоже посуровев, возразил Сабсан. Он вспомнил то, что увидел в соседском доме, и кулаки его сжались сами собой.
- Буржуйка слишком сладко жила. А в этом мире за все полагается платить, – продолжил свою мысль Бокий.
- Вот они и поплатились, – заметил Сабсан.
- Ты слишком самоуверен. Не боишься меня? Или не знаешь, кто я? – Глеб Иванович встал и ждал ответа стоя.
- Ты начальник петроградского ВЧК. Я табличку на дверях видел.
- Значит, ты китаец? – переменив тему, спросил начальник.
- Нет, я гур. Если быть точным, гуром был мой отец. Мать у меня калмычка, – пояснил Сабсан.
- Тоже буржуй? – поинтересовался Бокий.
- Я путник. А в пути большая ноша обременяет.
- Я вижу, на Востоке ты обучился не только защите. Ты говоришь по-китайски? – В голосе Глеба Ивановича появился живой интерес.
- Я говорю на многих восточных наречиях, в том числе и на китайских, – сказал Сабсан, глядя в темные карие глаза чекиста.
- А по-тибетски?
- И по-тибетски тоже.
- Я могу предложить работу, – сообщил Бокий.
- Или расстрелять?
- Просто так мы никого не расстреливаем, – заверил чекист.
- А Филиппова? Зачем застрелили человека?
- Филиппов укрыв огромные ценности. Укрыл от голодных рабочих. На суды и следствия сейчас нет времени. Расправимся с врагами, тогда и вспомним о судах и, может быть, даже адвокатов заведем. А пока, если враг – то к стенке.
- Укрыл ценности? Это те, что твои молодцы в скатерть запихивали? – не выдержал Сабсан.
- Это пустяки. Пойдем, я тебе покажу, что утаил этот буржуй от голодного народа. – Бокий встал и пошел к двери.
- Сабсан поднялся и двинулся за ним следом.
- Часовой у порога вытянулся и козырнул. Бокий не обратил на него внимания.
- Пройдя длинный коридор, они спустились по узкой темной лестнице. В подвале, возле железной двери двое часовых вытянулись перед Глебом Ивановичем и отдали честь.
- Открывайте, – бросил Бокий.
- Часовые, пошуровав в замках, открыли тяжелые металлические створки. Бокий пропустил Сабсана и вошел за ним. В тусклом свете электрической лампочки гур увидел ряды длинных, обитых жестью столов. На каждом из них лежали груды золота в монетах и изделиях. На одном Сабсан заметил в куче бус, браслетов и других дорогих женских безделушек перстни с отрубленными пальцами, а рядом горку золотых коронок. Многие из них с выломанными зубами. Его затосило.
- Глеб Бокий направился к дальнему столу и, кивнув на ряды золотых слитков, сказал:
 - Полюбуйся. Это бляшки твоего Филиппова.
 - Здесь пахнет кровью. Можно мне уйти? – попросил Сабсан.
 - Странно, ты боишься крови? – удивился Бокий.
- Сабсан ничего не ответил, а медленно подошел к Глебу Ивановичу и, не спуская глаз с чекиста, спросил:
 - Ты их видел?

– Кого? – не понял Бокий.

– Их. – Сабсан обвел рукой столы с драгоценностями.

– Я давно сам не выезжаю на операции...

– Тогда смотри. – Сабсан извлек из кармана маленькую веточку и плоской золотой зажигалкой поджег ее. Хранилище стало заполняться клубами красноватого дыма. Над столами с драгоценностями появились жертвы, ограбленные чекистами.

Мужчины в смокингах и лохмотьях, красивые молодые женщины и старухи, дети в белых платьицах и матросских костюмчиках. Они корчились от боли и надрывно кричали. На груды золота полетели отсеченные руки и головы. Жертвы падали на добычу чекистов, заливая ее кровью, а над ними возникали страшные ухмыляющиеся рожи палачей. Глеб Бокий стал белый, как стена. На его и так бледном лице туберкулезника не осталось кровинки, только карие глаза горели фанатическим огнем.

– Хватит, – потребовал чекист.

Сабсан очертил ладонью перед собой круг, и видение исчезло. Глеб Иванович прислонился к стене и замер. Прошло несколько минут. Наконец он очнулся, взглянул на Сабсана и еле слышно прошептал:

– Уходи.

Сабсан открыл дверь. Часовые спали, прислонившись к косяку. Гур поднялся из подвала и, миновав дремавшую охрану, вышел на улицу.

* * *

За окнами квартиры писателя медленно бледнело небо. У Славы от неудобной позы затекли руки и ноги. Он с трудом поднялся, погасил свет и вышел из ванной комнаты. Синицын читал до пяти утра. Ночью никаких происшествий не случилось, хотя он внимательно прислушивался ко всем шорохам. Замки, двери и окна оставались в полном порядке.

Слава тихо вышел в прихожую и взглянул в смотровой глазок. Взглянул и отшатнулся. С другой стороны в этот глазок тоже смотрели. Синицын вынул из кобуры пистолет и замер возле двери. Он стоял, пытаясь не дышать, чтобы не спугнуть человека за дверью и мучительно думал, как ему поступить. Если преступник снова взломает дверь и войдет, у него есть все основания его задержать и даже применить, в случае необходимости, оружие. Если же он сам выскочит и накинется на подозрительного типа, доказать вину того будет не просто. Что предъявит старший лейтенант прокурору? Подозрительный тип глазел в смотровой глазок квартиры писателя? Это не повод, чтобы настроиться на человека с пистолетом. Пока Слава раздумывал, в квартире верхнего этажа открылась дверь и раздался истерический лай маленькой шавки. Синицын снова взглянул в глазок.

На лестничной площадке было пусто. Только лай собачонки да шум мотора лифта нарушал сумеречную тишину подъезда. Лифт остановился на верхнем этаже, и собачка с хозяином или хозяйкой вошли в кабину. Слава слышал, как кабина прошуршала мимо. Собачка продолжала тявкать. Синицын хотел уже отойти от двери, как на лестничной площадке мелькнула тень. Он не мигая смотрел в глазок, а потому отчетливо увидел седого мужчину в темном пиджаке. Тот, осторожно ступая, спускался по лестнице. Руки мужчина держал в кармане.

«Вооружен», – подумал следователь. Минувшая дверь квартиры писателя, мужчина на мгновение застыл и взглянул прямо в лицо Синицына. Слава поежился. Такого неестественного остановившегося взгляда темных, глубоко посаженных глаз испугаться было немудрено. И хоть он и понимал, что его за дверью не видно, незнакомец явно смотрел ему в глаза. Затем он отвернулся, поспешил вниз и через секунду исчез из зоны видимости дверного глазка.

Молодой следователь пожалел, что не поручил стажеру установить наружное наблюдение за домом, засунул пистолет в кобуру и вернулся в ванную комнату.

Собрав листки романа в аккуратную пачку, спрятал текст в кейс, прилег на тахту и вмиг отключился.

* * *

– Три дня губы за сон на посту, – услышал он голос Лебедева и проснулся.

– Даже не заметил, как вырубился, – откликнулся Слава и рассказал о странном седовла-
сом типе со страшным остановившимся взглядом.

– Ты его хорошо разглядел?

– Вполне. Таких глаз не забудешь. Встречу на улице – узнаю, – заверил Сеницын. –
Обидно, что не задержал...

– И правильно сделал, что не выскочил за ним. Спугнул бы, и больше ничего.

Я же говорил, что они будут крутиться возле квартиры. Этот парень мог прихватить с
собой корешей для страховки. Зря рисковать башкой толку мало, – похвалил его капитан. –
Умывайся и дуй в отдел. Я тут до твоего прихода посижу, тихоньку пошукаю. Вдруг дискетка
выплывет, а придешь, помозгуем, что делать дальше. Меня Электрик отослал в твое распоря-
жение. Видно, с этим Каребиным на него жмут. – Саша умолчал о том, что начальник предло-
жил ему следствие по делу писателя у Сеницына забрать, но он уговорил Грушина этого не
делать, а послать его в помощь старшему лейтенанту.

– Я или сам приеду, или Лапина пришлю, – пообещал Сеницын, покидая квартиру.

В девять тридцать черная грушинская «Волга» вырулила на Кузнецкий мост, но встать
бампером к выставочному залу не смогла. Свободных мест не оказалось.

Весь Кузнецкий был забит машинами.

– Иди к тому типу в «Вольво». У него какие-то блатные номера. Покажи корочку и
попроси освободить нам место, – предложил шофер подполковника Гоша Березин.

Слава вышел из «Волги» и постучал в затемненное окно иномарки. Стекло бесшумно
опустилось, бритоголовое широкое лицо приоткрыло на Славу узкие заплывшие глазки. Сени-
цын показал удостоверение и попросил водителя отъехать.

– Шел бы ты, пидер, отсюда на... – услышал он непристойную брань в ответ на свою
просьбу. В ту же секунду Слава ухватил круглое лицо за мясистое оттопыренное ухо и потянул
на себя. Хам замычал от боли и попытался вывернуться, но Сеницын тянул сильно. Щека
иномарочника оказалась на улице, и закрыть окно он уже не мог.

– Отпусти, сука. Убью, – зашипел водитель «Вольво».

– При нападении на работника внутренних дел положено открывать огонь на поражение,
предупредил Сеницын.

– Ладно, отъеду. Отпусти, промычал круглолицый.

Слава вернулся в машину.

– За что ты его так? – рассмеялся Березин, занимая освободившееся от «Вольво» место.

– Матом на меня попер, – объяснил старший лейтенант.

– Ладно, будем ждать, – зевнул Гоша и откинул свое сиденье. Березин привык дремать в
машине и засыпал мгновенно. У Сеницына бы с собой пакет с романом Каребина, но сейчас
читать он не мог. Предстоящая встреча с таинственным незнакомцем, к которому сам Грушин,
по его словам, побоялся бы подойти ближе чем за версту, старшего лейтенанта беспокоила.
Он хотел заранее подготовить вопросы, но, не зная к кому обращаешься, сделать это оказа-
лось трудно. Время тянулось мучительно медленно. Подполковник предупредил, что ждать
придется неизвестно сколько. Ничего более конкретного Грушин не сказал. Молодой следова-
тель принялся размышлять. Электрик, конечно, подстраховался. «Если он приказал приехать
на место в девять тридцать, значит, скорее всего встреча назначена на десять», – решил он,
поглядывая каждые три минуты на часы.

Создавалось такое впечатление, что стрелки на часах начальственной «Волги» просто сошли. Однако Сеницын сверялся со своими часами и понимал, что не прав.

Просто ждать неизвестно кого и не слишком известно зачем было тягостно.

Наконец стрелки доползли до десяти, и в этот же момент в окно постучали.

Сеницын резко вышел из машины и увидел троих мужчин. Двое рослых с безразличными физиономиями держались чуть поодаль. В центре, ближе к Славе, оказался крепкий, похожий на квадрат мужик с короткими вьющимися волосами. Если бы не загорелое лицо и светло-голубые глаза, по причёске его можно было бы принять за негра.

– Старший лейтенант Сеницын? – поинтересовался Квадрат, изучая Славу.

– Так точно, товарищ... – Сеницын хотел сказать «генерал», но почему-то воздержался.

– Иван Иванович. Большого тебе знать не надо, – представился мужчина.

– Так точно, Иван Иванович, – отчеканил следователь.

– Давай немного прогуляемся. У меня на тебя пятнадцать минут. Хочешь мороженого?

– Что? – не понял Слава. Он ожидал чего угодно, но только не такого предложения.

Иван Иванович ничего не ответил, а взяв его под руку, повел к девице в красном переднике.

– Пломбир в стаканчиках любишь? – поинтересовался, остановившись у лотка.

– Так точно, – отрапортовал Сеницын.

Иван Иванович попросил четыре стаканчика и оглянулся на своих попутчиков.

Крепкие ребята двигались на шаг сзади, не отставая.

– Мы не будем, – отказался один из них.

– Ваше дело, – согласился Иван Иванович. – Тогда два.

Девица вынула из холодильного ящика два упакованных в красочную фольгу мороженого и выдала Квадрату. Тот расплатился, взял две упаковки, одну протянул Славе.

– С детства люблю пломбир в вафельных стаканчиках.

Все четверо медленно побрели вниз по Кузнецкому мосту.

– Выкладывай, что тебя интересует. У нас осталось десять минут, – поторопил Славу его новый знакомый.

– Меня интересует все, связанное с писателем Каребиным. Я веду дело об его убийстве.

– Ты влип, мальчик. – Иван Иванович ловко распаковал целлофан и лизнул мороженое.

– Почему влип? – удивился Сеницын.

– Этого я тебе сказать не могу.

– Но вы знали Каребина. Номер вашего телефона в его записной книжке. – Слава вертел в руках упаковку с мороженым, пытаясь освободить его от фольги.

– Ешь быстрее, растает, – посоветовал Квадрат. – Я не могу сказать, что хорошо его знал. Но писатель ко мне обратился, и я ему помог. Мне нравится, как он пишет... Писал, – поправился Иван Иванович.

– Вы можете мне сказать, чем ему помогли? – Сеницын наконец победил упаковку и откусил от стаканчика.

– Пожалуй. Олег Иванович хотел посмотреть Документы ОГПУ-КГБ, связанные с известным деятелем Святославом Стерном. Его интересовало, был ли Стерн завербован нами или нет, – ответил квадратный мужчина и занялся в пломбиром.

– Так был или нет? – попытался выяснить следователь.

– Этого я тебе сказать не могу, – произнес серьезным голосом его странный собеседник.

– Но ему-то вы документы показали?

– Показал и теперь жалею. Возможно, если бы я этого не сделал, писатель был бы жив. Ты сам тоже постарайся быть поосторожнее... Прости, мальчик, мое время истекло. – И Иван Иванович указал на черное «Вольво», притормозившее возле них. – Когда в твоём следствии покажется свет в конце туннеля, можешь мне позвонить.

Из машины выскочил водитель и распахнул перед ним дверцу. Сопровождающие Квадрата мужики уселись сзади. Слава взглянул на водителя и сжался. Это был тот самый хам, которого он тянул за ухо. После странной встречи на Кузнецком мосту Гоша Березин привез старшего лейтенанта Синицы-на в Гороховский переулок. Саша Лебедев по-хозяйски расположился на кухне писательской квартиры и пил кофе.

– Тебе со сливками, или ну их? – поинтересовался он у Славы.

– Со сливками, – не отреагировав на фразу из анекдота, попросил этот.

– Что-то ты больно серьезен, – покачал головой Лебедев. – Видно, тебя возле Лубянки трахнули по полной программе.

Слава подробно рассказал капитану о своей встрече. Саша посерьезнел.

– Не люблю я пересекаться с этой конторой. Ой как не люблю. Он так и сказал – «влип»?

– Так и сказал. Мне кажется, он догадывается, кто застрелил Каребина.

– Слава машинально взял нож, намазал хлеб маслом и отрезал сыра. – Ты в магазин ходил?

– Зачем? Нам разрешили пользоваться холодильником, а там жратвы навалом, – , усмехнулся Лебедев. – Не смущайся, это нам за охрану в качестве слабой платы. Все равно продукты вечно не лежат...

– Саша, у меня к тебе просьба. – Синицын полез во внутренний карман и достал дискету. – Спрячь ее у себя понадежнее. Это роман Каребина. Роман Тоня распечатала, и я его сейчас штудирую. Но если текст случайно пропадет, останется только эта дискета. Компьютер они успели изуродовать.

Лебедев взял дискету, засунул ее себе в нагрудный карман и застегнул на молнию:

– Что, острая вещь?

– Пока не дочитал, сказать не могу. Но там фигурирует один известный деятель – Святослав Стерн. О нем писатель и наводил справки в ФСБ.

– «Жизнь с доброй улыбкой»... Читал я эту «библию», когда увлекался сектантством, – вспомнил капитан. – Разных обществ Стерна по всей стране, дальнему и ближнему зарубежью еще и сейчас полно. Закончишь роман, дай мне. С удовольствием полистаю.

– Это что, религиозные секты? – Слава обрадовался, что старший друг имеет представление о теме.

– Не совсем. Что-то между Сенрике и обществами культуры. Но почитатели Стерна держат его за Бога.

– Скажи, а когда этот Стерн умер? Ведь все это нафталин?

Лебедев задумался.

– Точно не помню, но старик был крепкий и жил долго. По-моему, дожил до конца войны и еще жил лет десять...

– Очень любопытно, – буркнул себе под нос Слава и набрал телефон режиссера.

– Эраст Митрофанович, здравствуйте. Вас беспокоит следователь Синицын из районного отдела внутренних дел. Я расследую гибель писателя Каребина и хотел бы с вами встретиться. Можно сегодня? Спасибо. – Он положил трубку и встал.

– Что, покидаешь друга? – проворчал Лебедев. – Я тут целый день сидеть не могу. Ты потом навести Электрика, пусть выделит нам помощь по дежурству в квартире и даст наружку. Кстати, я одну дискетку все же нашел. Будешь в отделе, погляди, что на ней. А этот компьютер можно отнести на помойку.

* * *

Эраст Митрофанович Переверцев принял старшего лейтенанта в своем кабинете.

В театре полным ходом шел ремонт, и в кабинете режиссера тоже работали маляры.

Слава поморщился от сильного запаха краски, покосился на рабочих и, пожав руку Переверцева, сел в кресло.

– Совершенно некстати Олег Иванович это сделал, – обыденным тоном пожаловался режиссер.

– Скорее это с ним сделали, – поправил старший лейтенант.

– Детали важны для ваших дел, а для моих значения не имеют, – возразил его собеседник. – Человека нет, и пьесы, за которую мы заплатили, тоже нет. Теперь денежки театру даются кровушкой. Вот закончу ремонт – и ни копейки на постановку. Дай Бог актерам немного выплатить. Они и так два месяца без зарплаты. Строители все средства слизывают, как корова языком. Зал до последнего не давал рушить. Мы в нем не только сами играем, но и в аренду сдаем. Без зала одни убытки.

Слава не перебивал служителя муз. Он терпеливо дождался конца монолога, из которого никакой дельной информации не получил, и попросил режиссера рассказать подробнее о накладке с пьесой.

– Ну что тут рассказывать? Я имел один экземпляр. Второй лежал в бухгалтерии, приколотый к договору. По нему и деньги выплатили. Свой экземпляр я вернул автору для небольших доработок. Мы подробно оговорили каждый эпизод, и ему надо было дописать немного диалогов. Не потому, что они были слабы, а просто мне для режиссерской работы их кое-где не хватало. Олег унес пьесу, и мы договорились, что он через два-три дня вернет ее с доработками. Сейчас точно не помню, ну, кажется, пятого или шестого июня. У меня совсем из головы вылетело, что именно на эти числа мы театр полностью отдаем в аренду. Олег пришел, а в здании чужие люди. Но он человек непрактического склада, взял и оставил пьесу, чтобы мне ее передали. И все – пьеса с концами. Пока мы перезванивались, с ним это и случилось. Я бросился в бухгалтерию, и там пьесы тоже нет. Договор на месте, а пьеса улетучилась. Ремонт... Тут столько всего пропало. Я к вдове!

Должен же у него экземпляр остаться. Она мямлит что-то и молчит. Прости меня, Господи, но как такой умный человек с такой идиоткой жил?!

Слава пропустил последнее замечание мимо ушей:

– Да, Эраст Митрофанович, положение и впрямь неприятное. Я вас попрошу в трех словах пересказать содержание пьесы. Ведь вы ее читали?

– Смеетесь, молодой человек! Я выложил за нее полторы тысячи долларов. Не выложил – с мясом оторвал от театра... А вы спрашиваете, читал ли я пьесу. Я ее всю помню, но не дословно, конечно. Поэтому не хочу записывать по памяти. Могу наврать. А портить автора грех. Очень уж язык у Олега силен.

– Пожалуйста, перескажите коротко содержание, – напомнил о своей просьбе следователь.

– Пьесу эту, как я понимаю, Каребин писал параллельно с новым романом.

Называется она «ГУРУ». Занимательная история о том, как один деятель превратил себя в Бога. О сектантстве пьеса. Представляете, как это сейчас актуально?!

– И ее герой Святослав Стерн? – предположил Синицын.

– Да, Стерн, – подтвердил режиссер. – Это как взрыв бомбы. С ним до сих пор носятся, словно с писаной торбой, а он на поверку оказался платный агент ОГПУ.

– Спасибо, Михаил Митрофанович, вы мне очень помогли. – Синицын пожал руку режиссеру и поднялся. – Только у меня к вам еще одна просьба.

– Если смогу... Да не красьте вы потолок этой блестящей дрянью! – неожиданно крикнул Переверцев малярам. – Потолок матовым должен быть. Что у вас, совсем вкус в заднице?! – И, обернувшись к следователю, извинился:

– Глаз да глаз за ними. На минуту отвернешься – уже нагадят. Так о чем мы говорили?

– У меня к вам последняя просьба. Припомните число, когда Каребин принес пьесу, и название организации, арендовавшей театр в тот день, – попросил следователь.

– Приблизительно пятого или шестого июня, но точно без нашего бухгалтера не скажу, а Галя будет только завтра. Позвоните мне часиков в одиннадцать и напомните. Иначе забуду. Столько в голове всякого мусора!

Синицын поблагодарил режиссера и поехал на службу. Грушина Слава застал на месте и, как ни странно, в добрейшем расположении духа. Подполковник, используя обеденное время, тянул пиво и посасывал воблу. Даже появление старшего лейтенанта не могло испортить ему настроение.

– С чем пожаловал, баламут? – благодушно поинтересовался он у подчиненного.

Слава доложил о беседе на Кузнецком мосту, попросил разрешения на засаду в квартире вдовы Каребина плюс людей для дежурства и наружного наблюдения. Грушин без всяких споров и комментариев кивнул головой и, вызвав Тому Самойлову, продиктовал ей приказ.

– Все? Ты удовлетворен? – переспросил он Синицына и жестом отпустил секретаршу.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Зачем так официально? – поморщился Грушин и откупорил очередную бутылку.

– Ладно, иди.

Слава вышел в приемную и, чмокнув Тому в щечку, выдал ей новую дискету для распечатки.

– Хоть бы шоколадку когда купил, – вздохнула девушка и всунула дискету в гнездо. – Ой, это что-то сложное. Я файл открыть не могу.

– Как не можешь? Ты же у нас компьютерная мастерица, – выдал комплимент Слава.

– Какая я мастерица? Я только в «Ворде» плаваю, а тут что-то другое.

Погоди, давай Антюкова попросим. Наш криминалист – компьютерный гений.

Антюков оказался на месте и быстро разобрался с дискетой.

Синицын взглянул на экран:

– Что это?

– Немного текста и какой-то документ. – Ответил криминалист. – Тебе его распечатать?

Слава кивнул и через несколько минут получил несколько листков, но сейчас ему не хотелось изучать их содержание. Он сложил листки вчетверо и убрал в карман, затем сдал табельное оружие и, проследив отъезд группы на Гороховский переулок, поспешил домой. Следователю не терпелось сесть за роман. Сюжет книги все больше захватывал молодого человека.

Но читать дома ему не пришлось. Дверь открыла не Вера Сергеевна, а Лена.

– Ты теперь и дома не ночуешь... Сдается мне, не такая уж рыба эта вдова твоего писателя, – с порога заявила Лена.

Синицын от неожиданности покраснел. Он не понял, откуда девушка знает про ночевку в квартире Маши Барановой.

– Попался? Не зря портрет на помидор смахивает. Стыдно? – продолжала наступать Лена.

– Да я на дежурстве, в засаде ночью торчал, – слабо попытался оправдаться кавалер.

– Знаем мы ваши засады... На девок они у вас. Ладно, заходи. Вера Сергеевна тебя покормить наказала.

– А где мама? – обрадовался молодой человек возможности сменить тему.

– Вера Сергеевна будет завтра. Мои предки суточную путевку в Кратово взяли и твою маму вывезли. Это я придумала. Так что до завтра от меня не отвяжешься.

Хочу с тобой всю ночь спать. Надоело одной. Есть, в конце концов, у меня парень или нет?!

– Класс! – выпалил Синицын и пошел в душ.

Лена повязала фартук, быстро и по-деловому накрыла на стол. В этом доме она бывала не раз и прекрасно ориентировалась. Слава вышел из ванной комнаты, обмотанный полотенцем.

– Хочешь, чтобы я оделся?

– Зачем? – удивилась Лена. – Лучше я сама разденусь. Мы же одни. – И она скинула с себя блузку, юбку, затем трусики и снова облачилась в фартук. – Как тебе официантка?

– Класс! – повторил Синицын и уселся за стол. Но быстро понял, что суп может подождать, резво встал, сбросил с себя полотенце и, обняв Лену, повалил ее на кресло.

– Чего спешишь? Никакого воображения у тебя не...

Но договорить не смогла.

Губы Лены Слава запечатал поцелуем, и вся она оказалась в его железных объятиях.

Суп немного остыл, но подогревать молодая хозяйка его не стала. Покончив с первым, она взяла тарелки и понесла их на кухню.

– Подожди, сейчас получишь котлету, крикнула она на ходу. Но до кухни не дошла.

Слава вынул из ее рук посуду, поставил на стол, поднял девушку и понес на тахту.

– Ты же только что все сделал, – прошептала Лена.

– Это была закуска, а теперь десерт, – пояснил он свои действия.

Они любили друг друга, наслаждаясь тем, что оба молодые, красивые и сильные. Лена покалывала ноготками лопатки своего парня и млела от игры его мышц под ее пальцами. Устав от близости, они вскочили, бросились в ванную и там долго дурачились под душем.

– Ты рассчитывал именно так провести сегодняшний вечер? – лукаво спросила девушка, поливая его ледяной водой.

– Холодно, Ленка! – закричал Слава. – Нет, сегодня я думал дочитать роман Каребина.

– Ой, давай читаем вместе. Меня так заинтриговала его вдова! – воскликнула Лена.

Через пять минут оба уже лежали в постели. Слава отдал подружке прочитанные листки и, положив голову ей на живот, принялся за новую главу.

* * *

Несмотря на позднее время, в спальне кремлевской квартиры вождя мирового пролетариата горел свет. На полу и на креслах стояли нераспакованные ящики и чемоданы. Вождь недавно перебрался в Кремль из Петрограда и еще не обжился.

Надежда Константиновна, лежа в постели, редактировала статью Демьяна Бедного о низости нравов буржуазии в столь тяжелое для мировой революции время. Сам Владимир Ильич лишь на минуту заглянул в спальню и, глянув на дряблую шею и выпученные близорукые глаза своей подруги, вернулся в кабинет.

Ленин был сильно раздражен, и мысль «Как с такой жабой я сумел прожить годы?» лишь на минуту задержалась в его сознании. Председателю правительства было не до сна. Он ждал соратников. Только на сутки вырвался с фронта Троцкий и должен был прибыть с минуты на минуту. Председатель ОГПУ Дзержинский с наркомом иностранных дел Чичериным были уже в пути.

Ленин вернулся в кабинет и, утопив усталое тело в кожу кресла, прикрыл глаза рукой.

«Сейчас главное – власть, власть и опять власть, а власть – это сила и деньги. Может быть, в первую очередь – деньги», – размышлял он. Деньги у него были. Из подвалов Лубянки в Кремль один за другим шли грузовики с конфискованным золотом.

Но тогда как объяснить гнусный провал в Берлине?! Такой момент упущен!

Тупоголовые немцы, которые, казалось, так легко поддаются на удочку с ерундовой наживкой, вдруг все испортили.

Троцкий появился первым. Небритые щеки наркома обороны и землистого цвета лицо выдавали его хроническую усталость. Пожимая руку Льву Давидовичу, Ленин про себя решил, что Троцкого на плаву только и держит наркотик власти. Не кокаин или кофеин, а сладкое чувство власти и славы. Троцкий обожает свою популярность и, как артист, купается в ней.

– Пока мы одни, скажите, Лева, что на фронтах? Устоим? – спросил Владимир Ильич, снова погружая себя в кресло.

– Устоим, – сбрасывая кожанку, ответил нарком обороны.

– Никто же не поможет... – вздохнул Владимир Ильич.

– Почему никто? Голод поможет, – возразил Троцкий.

– Бегут с голодухи из деревень в Красную армию? – прищурился вождь.

– Больше некуда, – подмигнул Лев Давидович. Чичерин и Дзержинский вошли вместе.

– Поужинаем, товарищи? Или сразу к делу? – поинтересовался хозяин кремлевского кабинета.

– Недурно бы совместить, Владимир Ильич, – улыбнулся Георгий Васильевич.

Ленин позвонил и попросил вошедшего красноармейца подать ужин.

– Ну, пока несут, объясните мне, господа хорошие, как мы проспали посольство в Берлине? – Голос вождя стал жестким и злым.

– Поспешили, – виновато сознался Чичерин.

– Поспешили, говорите? Это вам не мятеж в Твери, это Германия, ее прокатать – непозволительная роскошь! – с еще большим раздражением выпалил председатель Совнаркома.

– И я очень огорчен, товарищи, – заговорил Троцкий. – Вы знаете мою точку зрения. Революция должна вползать в Европу. Упустим время – погубим дело. Через год, минимум два Европа и Азия должны покраснеть, иначе нам не видать мировой революции! – Он любил говорить с пафосом, не важно, беседуя с соратниками в кабинете или ораторствуя перед толпой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.